

ВЛАДИМИР КУЛАКОВ

КЛОУН ПОД ДОЖДЁМ

Владимир Кулаков

Клоун под дождём

«Автор»

2026

Кулаков В.

Клоун под дождём / В. Кулаков — «Автор», 2026

Какая она, клоунская жизнь? Из чего состоит? Из чего вообще состоит жизнь человека? Наверное, из детской мечты. Её осуществления, реализации. Нелёгкой, как правило, дальнейшей судьбы. Из Любви. Если повезёт — настоящей! Этот роман ни о каком-то выдающемся клоуне с громким именем. Об обыкновенном. Коих немало. Сказать много — значит сказать неправду. Много клоунов не бывает. Если они настоящие. Ими надо родиться. Стать не получится. А тех, кто пытается, видно сразу. Никакие они не клоуны. Так, ряженые кривляки. Зрители таких тут же распознают, рассекречивают и отторгают своим молчанием, вместо аплодисментов и смеха. Бывает, что зал не смеётся и у Великих... Клоунада не профессия. Это — Путь. Станный. Извилистый... Это не стиль жизни. Не убеждения. Это — хромосомы. Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или... Величайшая из наград. Которая становится одновременно и даром, и карой небесной. Талант Клоуна, его жизнь — это Поручение Бога...

© Кулаков В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Кулаков

Клоун под дождём

Владимир Кулаков

Москва • «Наш мир» • 2027

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

К 90

Кулаков В. А.

К 90 Клоун под дождём / Владимир Кулаков – М. : «Наш мир», 2027. – 256 с.

ISBN 978-5-908000-49-9

Какая она, клоунская жизнь? Из чего состоит? Из чего вообще состоит жизнь человека? Наверное, из детской мечты. Её осуществления, реализации. Нелёгкой, как правило, дальнейшей судьбы. Из Любви.

Если повезёт — настоящей! И финала. Который у всех разный. Как сама человеческая жизнь.

Есть лишь одинаково главное — Душа...

Этот роман ни о каком-то выдающемся клоуне с громким именем. Об обыкновенном. Коих немало. Сказать много — значит сказать неправду. Много клоунов не бывает. Если они настоящие. Ими надо родиться. Стать не получится. А тех, кто пытается, видно сразу. Ни-какие они не клоуны.

Так, ряженные кривляки. Зрители таких тут же распознают, рассекречивают и отторгают своим молчанием, вместо аплодисментов и смеха. Бывает, что зал не смеётся и у Великих...

Клоунада не профессия. Это — Путь. Станный. Извилистый...

Это не стиль жизни. Не убеждения. Это — хромосомы. Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или... Величайшая из наград. Которая становится одновременно и даром, и карой небесной.

Талант Клоуна, его жизнь — это Поручение Бога...

Отзывы о книге вы можете направить

на электронную почту автора: kulahoop@mail.ru ISBN 978-5-908000-49-9

© В. А. Кулаков, автор, 2027

По гриму капли, будто слёзы.

Дырявый зонт, как парашют.

Спасает мир и дарит грёзы.

Промокиший клоун, старый Шут.

Чужое горе — соль репризы.

Мы без пощады смеха ждём.

И лечит души чужих капризы

Уставший клоун под дождём...

Владимир Кулаков

Глава первая

— Ко-о-от! Серёга-а-а! Выходи-и-и! — Шурка Поляков по прозвищу Поляк орал снизу что есть мочи в сторону окна второго этажа коммуналки. Вопил долго, пока соседка Котиных не выглянула из форточки.

— Чего разорался! Зайти, что ли, трудно? Всех поднял на уши, аж голова заболела, пей вот из-за тебя теперь пермидон.

— Пирамидон, тётъ Клав.

— Чё-о-о? — Голова, усыпанная стальными бигуди, заволновалась и явно осерчала.

— Правильно говорить Пирамидон. Так на коробке написано. А голова болит из-за бигудей, вон у вас их сколько.

— Би-гу-дей!.. — Голова в форточке ехидным голосом передразнила орущего снизу. — Загляни в свой дневник, грамотей! Зинаида говорит, у тебя там целая стая «гусей», а туда же. У меня хоть и восьмилетка за плечами, а и то знаю, что бигуди не склоняются. Неуч! Форточка громко захлопнулась.

5

Шурка при упоминании имени матери вспомнил её вечно строгое лицо и невольно поёжился. Она для него была одновременно и отцом, который вот уже три года сидел где-то в Мордовии. Мать постоянно пугала: «Отец вернётся, всё ему расскажу, пригладит тебя рукой уголовного!». И тут же, не дожидаясь его возвращения, «приглаживала» Шурку отцовским ремнём не хуже того самого страшного уголовного, который остался в памяти каким-то хилым, тощим и вечно пьяным. Шурка

не припоминал, чтобы отец когда-либо его бил. А вот от матери доставалось и ему, и отцу по самое первое или какое там число. Отцу в основном за водку, за «загублен-ную жизнь». Шурке сразу за всё: за прошлое, настоящее

и за три года вперёд. Поэтому дома Поляк старался быть как можно реже.

Воронежский двор. О-о-о! Эта пацанская вольница!

Где все равны. В основном безотцовщина в силу разных причин. Царство коммуналок.

В центре двора высоченные сараи, покрытые толью

и пахнущие под солнцем смолой, по которым лазить и лазить. За забором гужевой двор.

Звон кузницы, ржание

лошадей. Запах сена. Погромыхивание выезжающих из

ворот конного двора телег, обутых в стальные обручи

колёс. Мерный цокот подков лошадей, понукание возниц, постоянно оглядывающихся по сторонам, пока не проедут

Никитинскую. Извозчики знают, местная пацанва не упустит случая прокатиться, прицепившись сзади за телегу.

Кнуты наготове.

Сегодня был понедельник. Рабочий день. С гужевого

все разъезжались кто куда, цепляйся не хочу. Вот Шурка

и сзывал компанию. Но Мишка Рыбин, по прозвищу

Треска, в школе на продлёнке — отец устроил, чтобы

не болтался по улицам. Самый младший из их компании, Сашка Кузнецов, он же Кузнецик, с ангиной мается. Его

мать даже на порог Поляка не пустила: «Ступай, Шурка, 6

от греха подальше, а то, чего доброго, тоже сляжешь!».

Мать у Кузнечика добрая женщина. Часто кормила их вечно голодную, набегавшуюся компанию.

Поляку одному кататься не хотелось. Потом и обсуждать-то будет нечего: кто за что цеплялся, уворачивался

от кнута, как убегал, когда возница останавливался и делал вид, что готов броситься в погоню. И верх героизма —

демонстрация рубца, когда кнут попадал в цель. Носитель боевой раны потом неделю ходил в героях.

Оставалась последняя надежда на Кота. А того понесло в музыкалку — терзать баян.

У Котина всё было ещё строже. Отца Сергей не знал

с рождения. О причинах мать молчала, а он особо не расспрашивал, одни и одни. Тоже неплохо. В этом дворе для

многих мать и отец были в одном лице. Такая жизнь...

Коту нравился баян. Но каждый день по несколько часов пиликать «Во поле берёзка стояла» или «Как под горкой, под горой» было пыткой не только для соседей, но

и для него. Особенно всех изводили гаммы. Неопытные пальцы срывались, и всё приходилось начинать сначала.

Мать Серёги, Нина Васильевна, широкая в кости женщина, в такие моменты делала непроницаемое лицо, —

музыка! На робкие возражения соседей из-за ежедневных

пыток музыкой смотрела на них таким орлиным взором, что «пернатые» мгновенно умолкали.

— Благодарите Бога и меня, что не на скрипке учился!

Пройдёт время, он ещё на свадьбах ваших детей сыграет, в очереди стоять будете. А кто станет много базарить, у того мой Серёга сыграет на похоронах!.. — И подкрепляла слова взглядом, который сулил те самые похороны

в абсолютно недалёком будущем.

День для Поляка не задался. Он побродил по пустующему двору. Погонял носком ботинка попавшуюся пустую консервную банку. Но отпасовать было некому. Он поддал её что было силы, банка жужжа осой, полетела

7

точнёхонько в заросли сирени. Поляк повздыхал, оценить

было некому. Идти домой и зубрить «домашку» Шурке

жутко не хотелось. Но встретиться вечером с матерью по

поводу прибавления «гусей» в его и так многочисленной

стае, расположившейся на вечной зимовке в дневнике, не хотелось ещё больше.

Шурка Поляк ещё раз разочарованно вздохнул и угрюмо побрёл в свой длинный двухэтажный дом с бесчисленными примусами и керогазами, что стоял напротив дома

Кота, бормоча под нос:

— Эх, Кот, Кот! Котище! Вся надежда на тебя была.

Клоун ты несчастный!..

Глава вторая

Всё началось с того, что вечный заводила Шурка Поляков жарким днём уходящего мая предложил очередную

авантюру:

— Пацаны! Айда в цирк! — Поляк предстал перед своей компанией возбуждённый, с лицом заговорщика.

Вот уже два месяца рекламные щиты и тумбы Воронежа пестрели цветастыми афишами открывшего сезон

цирка. Его брезентовый купол высился в центральном сквере Первомайский, что недалеко от вокзала, привлекая публику своими звуками и запахами.

Шурка рассказал, как можно попасть в цирк без би-летов.

— Я уже два раза смотрел. Мой двоюродный брат живёт рядом, давно всё разведает. Тут езды-то от Никитин-ской до вокзала всего ничего: прицепимся сзади трамвая и вперёд — дело знакомое.

И вот они у цирка. Сердце Серёги Котина вдруг затрепетало. Не от того, что нужно было проникнуть, как

разведчикам в стан врага, нет! От чего-то иного, чего и не объяснишь двумя словами.

8

Внутри гремела музыка, невидимый народ хлопал, хохотал. Неудержимо хотелось под брезент, туда!..

— Погнали, а то уже началось! — Поляк с видом бывалого махнул рукой. Они направились к деревянному барабану цирка.

Воронежский цирк был полустационарным. В осно-вании лежало круглое деревянное сооружение со зри-тельскими местами — лавками, идущими уступами вверх

от манежа к галёрке. Над выходом артистов место для оркестра. По кругу кулис — клетушки гримёрных. Сзади

цирка просторная крытая конюшня. Есть даже небольшой огороженный дворик для хранения багажа и выгула

животных. Центральным входом в цирк являлся камен-ный фасад с несколькими широ-кими дверями. Здесь же

касса, кабинет директора и ещё парочка помещений.

Перед открытием сезона на стальные мачты- фермы на-тягивали брезент, приставляли крутые лестницы к боко-вым проходам, и готово. Так делали ежегодно. Так было и в этот раз.

(отступ)

Они торопились. Впереди решительный Шурка Поляк, далее настороженный Мишка Треска. За ним, почти

упираясь в спину, постоянно оглядывающийся, испу-ганный Кузнечик. Шествие замыкал Кот. Волнующий-ся, даже руки вспотели, возбуждённый предстоящей

встречей с никогда не виданным зрелищем, вперемежку с возможностью быть застукан-ным и оттасканным

за уши. Последнее дело привычное. Хуже, если сдадут в милицию, тут и матери попадёт, а далее по цепочке. Не хотелось бы...

— Давай сюда! — Поляк остановился сбоку цирка у громадной лебёдки с какими-то зубчатыми колёсами.

Огляделся. Троса от этой штуковины уходили куда-то к мачтам, что держали брезент шапито. Серёга Кот поднял глаза, майское солнце осле-пило, выбив слезу.

9

Шурка Поляк ткнул рукой в секретное место. В двух шагах от лебёдки на стене цирка незаметно отодвинулись

две доски. Вот сюда и нужно было быстро юркнуть, пока никого не было. Представление уже шло. Билетёры давно закрыли боковые входы. Оркестр наяривал что-то радостное. Внутри по-прежнему гудела возбуждённая публика.

— Всё, давай! Самое время! — Поляк с озабоченным видом крутил по сторонам головой и подгонял приятелей. Первым пошёл Треска. Исчез, словно его с ними и не было, только доски качнулись. «Треска она и есть треска — рыба шустрая. Как Мишка». — Мелькнуло в гудящей от напряжения голове Серёги.

Кузнечик долго возился, пока Поляк чуть ли не пин-ком втолкнул его в загадочную дыру, которая в мгновение ока поглотила чернотой.

— Кот, подожди, пусть мужик пройдёт... О, теперь давай! Да шустрей!

Серёга не успел опомниться, как яркое солнце куда-то подевалось, а вместо этого он едва разглядел над головой серый ступенчатый потолок, а внизу такой же серый, пыльный замусоренный асфальт. Пришлось чуть посто-ять, пока глаза привыкли к темноте. Сзади что-то засопело и возникла потная физиономия Поляка. Он растолкал

их трепещущую компанию и тихим голосом скомандовал:

— Давай за мной. Только тихо! И осторожно. По сторонам смотрите, чтобы бёшки не поразбивать.

Представление набирало обороты. Было душно, шумно и тревожно-радостно. Зря Поляк предупреждал. Можно было орать, и никто бы не понял, откуда вопли: цирк жил своей жизнью. Они медленно продвигались, ежесекундно рискуя стукнуться головой о железные уголки, которыми крепились зрительские ряды. Чтобы этого не случилось, Поляк то и дело направлял их поближе к стенке, где было повыше. Крались гуськом, держась друг за друга.

10

Наконец, они добрались до ещё одного секретного лаза, что был вплотную к оркестровке и выходу артистов.

Там в небольшом простенке стояла бочка с водой, в ней мётлы, чтобы сметать мусор с циркового ковра манежа.

Там же лежал ещё один свёрнутый ковёр — для репетиций. Весь в крупных золотистых опилках, похожих на

овсяные хлопья, которые Серёга видел на кондитерской фабрике в цеху у матери, где она была бригадиром.

Вот из этого лаза они, как крысята, и просочились в зрительный зал на самый верхний ряд. От последнего ряда скамеек до деревянной стены цирка было с метр.

Здесь можно было стоять и смотреть представление. Несколько взрослых дяденек, которым было тяжело сидеть, прижавшись взмокшими телами к соседям, уже стояли, радуясь жизни. Тут и прохладней, и видней.

Серёга Кот крутил головой. Он был в состоянии какого-то непередаваемого волнения, восторга, странного

опьянения. От переживаний кружилась голова и даже

подташнивало. Столько света, сколько было сейчас в цирке, он никогда не видел. В его коммуналке вечно эко-номили на лампочках. Там в коридоре, на общей кухне и в туалете постоянно царил полумрак. С соседями не раз-гуляешься. В их с матерью комнате было посветлей. Нина

Васильевна Котина электричества старалась не жалеть, чтобы Серёге было видно, что у него в школьных тетра-дах, в нотах на пюпитре, да и чтобы жить было веселей.

Музыка циркового оркестра оглушала своей весёло-стью. На манеже то и дело менялись артисты в ярких

костюмах, которых Кот никогда раньше не видел в своей

жизни. А уж что они вытворяли и описать было невозможно. Люди ли это, вообще?

Но больше всего его поразил клоун. Он выехал на ма-люсеньком мотоцикле, который без конца пипикал клаксоном, трещал и дымил выхлопной трубой. Проехав пару кругов, клоун остановился, снял с затылка миниатюрную

11

красную шляпку, поклонился, его представили. Шустрый

такой, озорной. В странном цветастом пиджаке не по размеру. Потом он выходил на манеж после каждого номера, чудил, и зал каждый раз покатывался со смеху.

А Серёге внутри почему-то было не смешно. Он видел и чувствовал совсем иное, не то, что сидящие в зале

и от души хохочущие. Кот стоял, вжавшись в деревянную

стену цирка, и ему хотелось плакать. Нет, он, конечно, тоже смеялся. Иначе было бы странно. Даже несколько

раз сгибался пополам, когда клоун выдирает у больного

гигантский зуб, изображая доктора. Но это был какой-то

смех сквозь слёзы. Он сейчас не смог бы объяснить никому внутреннюю суть того, что показывал клоун. Почему

смешно, но... как-то не смешно. Серёга чувствовал всем

своим существом, что шутки были глубже того, что видели и слышали зрители. Это была некая тайна, которую

хотелось познать, разгадать. Ты видишь и слышишь одно, а в душе отзывается совсем иное. Неужели люди этого

не видят? Не слышат! Не понимают!..

Кот с нетерпением ждал очередного выхода того, кто

сегодня перевернул верх тормашками всё его сознание.

Ту первую программу по номерам он не запомнил.

В его памяти остался — Клоун!..

Глава третья

Их вытурили из цирка. Позорно. Прилюдно.

В антракте они решили нырнуть обратно в лаз, с желанием выбраться на улицу, передохнуть, охладиться

газированной. Для этих случаев у Поляка была специальная

проволочка, которой можно было залезть в монетопри-ёмник автомата, что-то там нажать, и гранёный стакан

с урчащим шипением наполнялся заветной пенной вла-гой. Собирались попить и назад, на второе отделение

программы.

12

Первым в лаз нырнул Кот. Шустро так, играючи. Кузнечик, тот долго примерялся к узкому отверстию. Треска с Поляком выстроились в очередь. В этот момент их

и застукали. Униформисты пришли за мётлами, чтобы очистить ко второму отделению ковёр от опилок, а тут гости. Билетёры тут как тут.

Особого скандала не было. Вели пойманную троицу, как преступников, вдоль барьера манежа на выход. Потом

вытолкали в распахнутые двери, пригрозили милицией, если объявятся снова. Для работников цирка каждый сезон настёрная местная пацанва была делом привычным.

Менялись лишь места их проникновения. Цирк боролся с безбилетниками, но «водичка дырочку» всё равно находила...

(отступ)

...Кот слышал над головой грозные окрики униформистов, строгие голоса билетёров.

Он первым нырнул в лаз, остальные не успели. «Ох, уж этот Кузнечик!..» Теперь Серёга стоял с гулко бьющимся сердцем под нависшими над головой рядами сту-пенек и вслушивался в происходящее рядом.

Всё! Влипли! Он остался один. Надо выбираться.

А как? Куда идти? Темень, едва что видно.

Кот вытянул одну руку вперёд, другую над головой, чтобы не треснуться о стальные подпорки рядов, прошёл-ся в сумраке по полукругу барабана, отыскивая заветные доски, которые их пустили сюда. И, о, ужас! — не нашёл.

Заволновался, заметался. Первым желанием было вы-лезти из лаза, что в зрительном зале, и отдаться в руки

билетёров, чтобы поскорее к своим, хоть и с позором. Но где этот лаз?

Под скошенными ступенями было невероятно душно, пыльно и... страшно. Вроде и людей вокруг полно, слыш-ны их голоса. Вокруг жизнь! Но это над ним, наверху. А он словно в могиле. Живой!..

13

Серёгу накрыла паника, он заметался. Нестерпимо захотелось, чтобы всё это поскорее закончилось.

Пусть с милицией, с кем угодно, но на свободу, к свету, к солнцу!..

Кот стал пробираться по кругу барабана, ощупывая его рукой, туда, где голосов было больше. Он упёрся в какой-то совсем тёмный угол. Потянуло табачным дымом.

Серёга тронул одну сторону угла, другую. Доска подалась.

Подналёг. Появился свет. Он пролез в щель и услышал голос:

— Это ещё что за явление Христа народу?

Серёга Котин щурил отвыкшие от света глаза, пытаясь определить, куда его занесло.

Перед ним стоял и курил тот самый клоун, которого он ещё совсем недавно видел на манеже. Тот оказался много старше, чем виделось с галёрки. Лицо круглое, но с видимыми морщинами. И он был, — удивительное

дело, — совсем невесёлым.

— Безбилетник?

Кот покорно кивнул.

— Я, так понимаю, любишь цирк, а денег нет?

Он снова кивнул.

— Ладно. До начала второго отделения ещё есть немного времени, пойдём, газировкой угощу. Я её из авто-матов набираю на целый день. Ты, надеюсь, не куришь?

Кот отрицательно мотнул головой.

— Ну тогда и стоять тут нечего. Пошли в гримёрку.

Вокруг суетились люди. Униформисты за кулисами мели опилки, принесённые с манежа, попутно сметали в кучу залетевший со стороны конюшни тополиный пух. В этом году из-за жары тополя, коих в Воронеже было несметное количество, стали сбрасывать семена раньше срока. Спасу от них не было каждый год. «Погодите, это ещё только начало!» — подумал Серёга, видя, как все отмахиваются и пытаются снять пушинки с потных лиц.

14

Артисты готовились к началу второго отделения. Кто-то разминался, готовил реквизит. Закулисная жизнь оказалась такой бурной! Кот поразился. А из зрительного зала и не скажешь. Мужик в бабочке и чёрном длинном пиджаке метался по закулисыю, зычным голосом командовал, гонял всех подряд. Сразу видно, кто здесь главный.

Его зоркий глаз тут же выхватил Серёгу.

— Юра! Твой?

Клоун кивнул и приобнял Серёгу за плечо.

— Пусть не болтается по цирку, предупреди. — И громко всех оповестил:

— Даю первый звонок! Тянуть не будем! Готовимся!

Где-то звонко заверещало, аж уши заложило. Так

громко и тревожно тренькали трамваи на Кольцовской, где когда-то жил Серёга, пока не переехал на Никитинскую.

Стало заметно, что все задвигались ещё быстрее. Не торопился только клоун.

У Серёги отлегло: он под защитой этого человека в гриме, которого явно уважал даже тот крикливый мужик.

— А кто это в длинном пиджаке? Ну тот, который объявляет всех.

— А-а! Это самый главный человек за кулисами. На-зывается инспектор манежа. А «длинный пиджак» — это фрак. Так положено.

Через несколько шагов они подошли к распахнутой настежь гримёрке клоуна, в которой даже не было окон.

Рядом, у двери, стоял тот самый крохотный смешной мотоцикл, на котором клоун появился на манеже под аплодисменты и хохот зрителей.

Серёга потрогал блестящий руль с огромной фарой.

— Нравится?

— Ага! Надо же, ездит! — Серёга изумился, что такая кроха так лихо и резво носится по манежу, таская на себе нехуденького клоуна.

15

— Сам собрал! — похвастался тот не без гордости в голосе. Показал рукой на вход в гримёрку. — Ты проходи, садись на ящик. Места у меня тут, сам видишь, кот наплакал.

Клоун налил стакан шипучей жидкости. Серёга от переживаний и давно мучающей его жажды выпил залпом

и не заметил. Клоун приподнял бровь, налил следом второй. Себе плеснул в кружку.

— За знакомство!

Выпили. Облизали губы.

— Ну? И как тебя зовут?

— Серёга. Кот.

— Да ладно! И я Кот! У тебя что, фамилия такая?

— Не-е, фамилия Котин. Это во дворе все Котом зовут.

— А я Котов. Юрий... Михайлович. — Представился

он по частям.

— Раньше на заборах писали х-х... — Клоун вовремя

сообразил — перед ним подросток, притормозил, воздержался от матерного слова, но дал понять интонацией, что

имел в виду. Продолжил:

— ...А теперь пишут: «Юрий Котов». Так что мы с тобой, парень, два Кота пара!

Они ещё раз осушили свои ёмкости. Газировка остудила, взбодрила.

Серёга стал внимательно осматривать стены фанерной гримёрки, обклеенные афишами.

Было невероятно

интересно.

Клоун подправлял грим. На его столике с зеркалом

и горящей яркой лампой расположились странные предметы: коробка с разноцветными красками, тройной одеколон, полукруглый помпон из какого-то меха, которым

он из круглой коробочки брал пудру и, тыкая, распределял ровным слоем по лицу. Здесь же, словно солдатики

на параде, штыками вверх, стояли несколько губных помад, одной из которых Котов, как женщина, подкрасил

16

губы. Правда, со смешным захлестом. К его губам словно прилипла красная бабочка.

Клоун покрутил головой. Осмотрел себя в зеркале со всех сторон. Глянул на Серёгу Котина.

— Ну-с, Кот Котович! Цирк ты любишь. А кем хочешь быть?

Кот, не задумываясь ни на секунду, выпалил с жаром и со всей определённо-стью:

— Клоуном! Как вы! — И сам обалдел, что сказал

не просто так. Он в эту секунду был абсолютно уверен, что так и будет. Ничего другого он с этого дня не желал.

Обязательно станет клоуном. И только им!..

— И какого лешего тебе этого захотелось? Почему не акробатом или жонглёром?

— Клоун — это весело! — Кот не сомневался в том, что говорит.

— Весело, говоришь... — Юрий Котов задумался. Едва различимые под гримом морщины ожили, обозначились житейскими бороздами, обнажив следы пережитых лет.

— Знаешь, парень, что я тебе скажу. Хочешь, верь, а хочешь, нет, но это самая грустная профессия, которая

только может быть на свете.

Серёга выпучил глаза:

— Почему? Ведь это так здорово, когда люди смеются!

— Здорово. Но эти же люди будут от тебя требовать, чтобы ты был смешным всегда: и на манеже, и в жизни сутками напролёт. И если вдруг это не совпадёт с их ожиданиями, они начнут тебя мучить вопросом: «Что случилось?». А случилась обычная вещь: ты просто хочешь хотя бы иногда быть, самим собой. Но этого тебе не позволят. Поэтому клоуны в основном угрюмые и недобрые, потому что постоянно пытаются защитить свою жизнь. Ты меня потом поймёшь. И не жди, что твоё маленькое человеческое нутро вместит твою душу, огромную, как этот мир. Не ожидай, что у тебя будет

17

счастливая семья, друзья, понимающие тебя. Даже если это твой родной сын...

Котов выплеснул всё это на юного пацана без расчёта, что тот его поймёт.

— Если тебя не разорвёт изнутри, и ты не сопьёшься, не сойдёшь с ума, выживешь, считай, повезло. А если

проживёшь спокойно, без душевных мытарств, значит, ты никогда и не был Клоуном...

Котов отвернулся к стене, где висела его афиша — он, улыбающийся, с протянутыми к невидимым зрителям руками, то ли прося у них что-то, то ли, наоборот, отдавая...

Его заставил обернуться голос Серёги, о котором Котов на какое-то время забыл, уйдя в себя.

— Я даже и не знал, что клоуны бывают грустными.

Странно! Это же так весело!

Котов грустно улыбнулся.

— Котёнок ты ещё! Котом тебе только предстоит стать. Если клоун грустный, значит, что-то с этим миром не так...

Где-то рядом неожиданно ещё раз зазвучал надтресну-тый звонок. Верещал громко, долго, дважды повторяясь, сзывая зрителей и заставляя собираться с силами готовя-щихся к выступлению артистов.

Котов ещё раз взглянул в зеркало, опечаленно вздохнул:

— Этот сезон для меня последний. Всё. Пенсия. Больше не могу. Не хочу...

Вдруг наигранно ожил, разулыбался.

— Теперь Дон, рыбалка, книги. Или, может, махну куда-нибудь в деревню. Я ростовчанин. Стану жить, где мои старики похоронены. Это у тебя всё впереди...

Клоун критически осмотрел себя в зеркале. Растянул по максимуму накрашенные губы. Поиграл ими туда-сю-да. Построил гримасы. Потрогал мешки под глазами.

Снова вздохнул. Его взгляд упал на красный кругляш, похожий на теннисный шарик, что лежал на столике.

18

Котов повертел его в руке, подумал... И решительно протянул Серёге.

— На-ка вот, на память. Это мой бывший клоунский нос. Я с ним когда-то начинал. На фабрике игрушек за-казывал. Материал оцени! Мягкий, упругий. Этому носу

нет сносу! — Котов хихикнул собственной шутке. — А теперь, — клоун прикоснулся к своему носу картошкой. —

С такой носопырккой вообще придумывать ничего не надо — только припудрить.

Серёга крутил шарик-нос и так и этак, не зная, как им пользоваться.

— Всё просто. Смотри. Видишь разрез по центру?

Здесь специально немного по дуге вырезано. Теперь на-давливаешь там, где заканчиваются разрезы, и щель от-крывается, как ракушка. Вот сюда кончик носа и вставля-ешь. Можно подрезать, если жмёт. Тогда у меня нос был

как у тебя, так что, думаю, подойдёт. Цепляй, пробуй.

Серёга неуверенно чуть надавил, в центре шарика приоткрылся овал. Надавил посильней, шарик открыл зев, готовый откусить нос, который суют, куда не следует.

— Ну, давай смелей! — Котов замер в ожидании.

Серёга, прикрыв глаза, с величайшей осторожностью сунул нос в шарик и отпустил. Ничего не случилось. Гиб-кая пластмасса, больше похожая на резину, мягко обняла

крылья носа. Красный шарик сидел как влитой: трясина не трясина — не слетит.

— Ну? Что скажешь?

— Гдбóдово! — Восторженно выдохнул Серёга. Получи-лось как-то в нос, словно у него насморк. Засмеялся сам и насмешил Котова.

— Куда ты так напялил! Дышать-то чем собираешься? Говорю же: на кончик!..

Серёга глянул в зеркало, ахнул! На него смотрело смешное лицо с сияющими глазами и красным носом. Он Клоун! И сомнений в этом быть не может.

19

— Дядь Юр! А можно я ещё приду?

— Давай, сынок! Как говорится, спешите видеть!..

Зычный голос инспектора в очередной раз огласил закулисы:

— Все по местам! Даю третий!

Хриплая трель звонка снова заложила уши. Вскоре цирк опять ожил музыкой, аплодисментами и смехом.

Серёга Кот, оглушённый событиями необыкновенного дня, возвращался домой пешком, сжимая в кулаке самый дорогой подарок, который когда-либо получал от жизни — клоунский нос.

Глава четвёртая

Кот не выпускал из рук красный шарик ни на минуту.

Даже ложась спать, клал его рядом с подушкой. Утром первым делом проверял, не исчез ли он, не укатился куда маленьким красным солнышком. Среди дня выкраивал время, подходил к трюмо матери, где видел себя в полный рост и, нацепив нос, строил рожи, изучал своё лицо

и тело, меняя позы. Иногда выходило забавно, и Серёга

довольный, смеялся в голос, который тоже в этот момент старался менять: то басил, то наоборот пищал как

Петрушка.

Сегодня он собрался к Юрию Котову в Первомайский, который воронежцы называли каждый на свой манер: кто — садом, другие — парком, иные — сквером.

Он уже подходил к воротам центрального входа, где рекламный щит с цирковыми афишами зазывал на представление. На одной из них был изображён клоун на ми-ниатюрном мотоцикле, а под ним разбегались озорные буквы с текстом: «Весь вечер на манеже — Юрий Котов!».

Серёга невольно улыбнулся. Приятное тепло раз-лилось по сердцу, которое через секунду покрылось

ледяной коркой. Он и глазом не успел моргнуть, как

20

к нему подвалила кодла местных пацанов. Остановили, окружили. Что постарше сделал лицо бывшего урки, сплюнул под ноги Кота, растягивая слова, с угрозой

в голосе приказал:

— Десять копеек на ладонь! Быстро!

По спине Серёги побежали мурашки. Ноги вросли

в асфальт. Пацанские дворовые компании были в городе не новостью. На каждой улице, в каждом районе

была своя. Кот сейчас находился далеко от родной улицы и в чужом районе. Будь с ним Треска с Кузнечиком, хотя от последнего проку, как от гуппи в аквариуме со скаляриями, которых Сашка Кузнецов разводил, может, и отбились бы. Хотя вряд ли. Всё точно было бы

ништяк, если бы рядом сейчас, каким-то чудом, оказался

Шурка Поляков. У того где-то здесь жил брат, и местную

шпану он знал. Из их компании Поляк был и побольше, и покрепче, и подрасться мастак.

А сейчас Кот стоял окру-жён-ный четырьмя пацанами, которые будут и постарше его, и явно сильнее.

Видя замешательство и испуг чужака, старший оше-рился и сплюнул ещё раз.

— Ну долго ждать? Де на бо!

Эту словесную сокращёнку Кот слышал не раз, озна-чало: «деньги на бочку». Еле слышно пролепетал:

— Нету...

— А если найду?

— Ищи...

Его карманы профессионально вывернула опытная

рука. Денег и в самом деле не было. Откуда они у подростка, живущего с матерью от зарплаты до зарплаты, которая

ещё платит и за музыкальную школу.

Вместо мелочи из кармана выпал какой-то красный

кругляш.

— Это ещё чё за херня? — Заводила вертел незнакомый предмет, оценивая, не понимая его предназначения.

21

— Нос.

— Чё-о? Какой ещё нос?

— Клоунский. — Серёга быстро забрал красный шарик и нацепил на нужное место. Взглянул на цирковую афишу

с Котовым, улыбнулся во всю ширь, растопырил руки и, словив неожиданный кураж, отыграл репризу:

— Спешите видеть! Весь вечер на манеже клоун Сергей Котин! Опля! — И подпрыгнул, в конце расставив

руки, как цирковые после трюка.

Шобла рассмеялась. Главный удивлённо посмотрел на Кота.

— Ты чё, циркач?

— Пока нет. Но обязательно буду.

— Кем, клоуном?

— Да! Клоуном.

— Во дура-ак!.. Пошли, пацаны, а то ещё укусит, делай потом сорок уколов в живот от бешенства. Хм! Клоун!

Надо ж...

Компания, манерно, лениво шаркая подошвами, по-брела вдоль кованой решётки Первомайского сквера, по-смеиваясь и обсуждая случившееся. То и дело слышалось:

«Клоун, клоун...»

(отступ)

Они встретились как родные. Серёга по-прежнему ро-бел, но теперь смотрел во все глаза, чтобы не пропустить

ничего, в попытке понять, из чего состоит клоун.

На гримировальном столике Юрия Михайловича Котова Серёга увидел фотографии, на которые в прошлый раз

не обратил внимание. Теперь рассмотрел. Вот Котов в форме военного лётчика, в кожаном шлеме с защитными очками, со значком парашютиста на груди. А вот он же, только в клоунском наряде, в окружении хохочущей детворы.

— Дядь Юр! Так вы лётчиком были?

— Был. Даже ордена с медалями имею. Как, наверное, и твой отец с дедом.

22

— Ни деда, ни отца я не помню. Мама о них ничего не рассказывает. Может, и воевали.

Котов с сочувствием посмотрел на Серёгу. Хотя кого удивишь безотцовщиной. Сплошь и рядом...

— Да-а, был лётчиком. Когда-то. Теперь вот клоун-пограничник. — Котов подмигнул своему тёзке Коту.

Но сделал это как-то невесело, хоть Серёга и попытался расслышать в сказанном шутку.

— Как это?

— А вот так. Стерегу границу между добром и злом. Между мудростью и глупостью.

Котов помолчал. Повздыхал. Было заметно, что его постоянно что-то тревожит. Протяжно выдохнув, добавил, затихая голосом:

— Между радостью и горем. Смехом и слезами...

Понимаю, звучит пафосно, как в центральных газетах на первой полосе, но это так.

Ещё раз вздохнул.

— Как дальше жить? А, Серёга?

Кот неопределённо пожал плечами. Чего печалиться — всё так весело!..

Глава пятая

Театр оперы и балета был от дома Серёги минутах
в десяти ходьбы, если напрямки. Бегом так и в пять можно управиться.

От музыкальной школы его обязали ходить в хор мальчиков, что организовали при театре. Без этого в графе «хоровое пение» стоял бы прочерк. А для блестящего музыкального будущего, которое прочили Коту, прочерки и плохие
отметки в планы не входили. Он уже думал об окончании
школы по классу баяна, чтобы потом поступить в музыкальное училище. Всё шло к
этому. Так что, хочешь не хочешь, а пришлось впрячься в это странное хоровое дело.

23

Также обязателькой было ходить по выданному аба-нементу на лекции- концерты классической музыки в филармонию, что от театра в двух шагах. Центр города.

Удобно.

Сначала звучание симфонического оркестра с непонятными мелодиями показалось нудотой. Ну никак не

«Ой, мороз, мороз» или «По Дону гуляет казак молодой», которые любила петь мать, где и слова понятны и мотив

можно воспроизвести с ходу. А тут смычки по контрабасам и скрипкам — туда-сюда, туда-сюда. Валторны с кларнетами и другими духовыми сорок минут — «ту-ду-ду, ту-ду-ду». Глаза сами собой закрываются. Потом ничего, даже стало нравиться.

На хор в театр надо было ходить аж три раза в неделю.

Пропустишь — выговор! Сообщат в музыкальную школу, там втык. Хорошо хоть в филармонию по великим праздникам.

С баяном можно, конечно, сачкануть, когда матери нет дома. Но учитель, известный в городе баянист и педагог Ворсин Пётр Фёдорович, просекает мгновенно: сколько ты играл и усердно ли. «Разгильдяй!» — жутко обидно
звучало из уст этого уважаемого человека. Уж лучше бы
по горбу кулаком или ремнём по седалищному нерву, как
называла мать место ниже спины. Но Пётр Фёдорович
был не из таких. Его слова били посильней ремня.

Тем не менее времени погонять в футбол и на что-нибудь ещё хватало.

Частенько бывало, что в самый последний момент
мать из окна кричала: «Ты что забыл? Пора на хор!..»

Серёга спохватывался и, чтобы не опоздать, подрылся в чём был к служебному входу
в театр. Коридорами

выскакивал на мраморную лестницу, по ней вверх по
белым ступеням, и без стука, шмыг, в огромную залу, где
перед спектаклями распевались басы с тенорами и бари-тонами, а сейчас строем стоял
тот самый хор мальчиков, 24

подобранный из альтов и тонкоголосых сопрано. Кот был
как раз в числе тонкоголосых, на которых более рослые
альты поглядывали свысока.

Прямо с развесёлого двора в своих пыльных разбитых
кедах, обтрёпанных дворовых штанах и потной рубахе Серёга попадал в царство густо
пахнущего мастикой

паркета, широких окон в тяжёлых вишнёвых портьерах, благоговейной тишины и какого
затаившегося величия.

Вот сейчас это ВЕЛИЧИЕ появится и взглянет со своей
недосягаемой высоты на неопрятного дворового босяка
по прозвищу Кот.

Но появлялась Людмила Вениаминовна Стерина, хормейстер Воронежского государственного театра оперы

и балета, и своим грудным контральто начинала стыдить:

— Котин! Это уже не в первый раз! Вы представляете, куда приходите? Вам здесь что, стадион, цирк, балаган?

Не смейте больше в таком виде сюда являться! Больше

не пушу! Это храм! — она пафосно обводила стены руками, — Здесь люди молятся искусству! Займите пока своё

место и запомните мои слова!..

Серёга запомнил. Конечно, резануло, что цирк оказался рангом ниже театра, хотя ему казалось, как раз

наоборот. Он благоговейно провёл рукой по брючине.

В кармане бугорком нащупывался клоунский нос...

Здесь, в театре, всё было как-то не взаправду. Если

у героев бороды с усами, то обязательно наклеенные.

Если кого убивают, то потом «покойники» встают и кла-няются. Герой или героиня пылко признаются друг другу

в вечной любви, обнимаются, а потом за кулисами рас-ходятся в разные стороны с ненавистью в глазах. Они, оказывается, уже год не разговаривают друг с другом.

Странно всё это. А ещё храм! Кому тут молиться? В цирке

всё как-то честнее, насколько он успел заметить.

Среди сопрано Серёга Котин выделялся отменным

слухом и звонким, чистым голосом, поэтому Людмила

25

Вениаминовна ругать ругала, но ценила, а так бы уже давно выгнала, как многих его предшественников. Несмотря

на молодость, она имела негибемый характер, удивительную стойкость и бескомпромиссность. Со взрослыми

и именитыми в нужные моменты тоже не церемонилась.

Мальчишки, которые томились в ожидании своей репетиции, неоднократно были свидетелями нелестных

оценок взрослых вокалистов театра. Звания заслуженных

и народных нисколько не смущали Стерину, которую

многие за глаза звали Стервиной. Некоторые подчас уходили с её репетиций, понуро опустив головы. Людмила

Вениаминовна могла подчёркнуто спокойно сказать, че-каня слова: «Слушать будут не ваше звание, а ваш голос, вашу партию, в которой вы безбожно переворачиваете ноты!

Римский- Корсаков в гробу переворачивается! Он бы вам

кухарку в жёны не отдал, не то, что «Царскую невесту»!»

Хормейстер не скупилась на оценки. Её побаивались.

И уважали...

А Кота всё-таки выгнали. Случилось вот что. Серёга, как известно, с клоунским носом не расставался. Он у него

был постоянно в кармане. Пришло время, и хор решили

задействовать в опере «Кармен». Инициатором была

Людмила Вениаминовна Стерина. Те, кто занимались

у неё дольше, уже пели в «Брестской крепости». И тут

новая опера.

Они, хор мальчиков, должны были выбежать на центр

сцены, изображающую площадь, поперебрасываться бу-тафорскими фруктами, овощами, пошалить, потом выстроиться и спеть: «Вместе со сменой караула бодро мы идём всегда, но трубите веселее тра-та-та-та тра-та-та...». В это время на площади, по мизансцене, встречаются Дон Хозе с Кармен.

Дон Хозе — ни много ни мало Зураб Анджапаридзе. Народный артист СССР. Каким его ветром занесло

в Воронеж из далёкого итальянского Ла Скала — Кота

26

не интересовало. Но в театре, если даже шушукаться по

углам, всё равно получается громко. Вскоре и до него до-неслось, что дядя Зураб то ли ростом там не подошёл, то

ли ещё что. Коту такие тонкости были не интересны. Одно

он понял, когда вместе репетировали этот кусок спектакля: Зураб Иванович — дядька добрый и, судя по «шу-шуканью», невероятно талантливый. Театру несказанно

повезло. Голос у него был и правда, — заслушаешься, уж

в этом Кот научился разбираться. Одно его смешило.

Кармен, которой, говорят, в жизни было то ли шестнадцать, то ли двадцать лет, на сцене пребывала в теле тётки

ровесницы его матери. И её телеса даже перекрывали

немалые формы бригадира кондитерской фабрики Нины

Васильевны Котиной.

Зураб Анджапаридзе, даже в военных сапогах на высоком каблуке, был своей Кармен по плечо. Смешило Кота

и то, как Зураб Иванович пытался прятать появившийся

живот. Всё это смотрелось неубедительно по меркам цирка, где сплошь и рядом стройные акробаты, эквилибри-сты и даже жонглёры. Дядя Юра Котов, да, тот плотный

дядька. Так тому для смеха это впору. Нет! Было в театре

что-то неискреннее...

Так вот, что произошло. В день премьеры из костюмерной хору притащили ворох барахла, похожего на то, за что Серёгу гоняла Стерина. Она перешла на ты:

— Котин! Наконец, ты попадаешь в свою стихию. Вы-бирай. Вы все играете роль беспризорников или дворовых

итальянских мальчиков. Неважно! Мальчишки во всех

странах одинаковые. Облачайтесь!

Потом им намазали морды гримом, чтобы выглядеть

почумазей. Подошёл их кусок. Заиграла знакомая музыка, их вытолкали на сцену.

Всё это время Кот держал свой талисман — красный шарик, в руке. Карманов в его костюме оборванца

не оказалось. Когда начали перебрасываться бутафорией, 27

Серёга машинально нацепил шарик на нос, чтобы освободить руки. Неожиданно он заметил, что массовка

улыбается шире обычного, хоровая пацанва откровенно

ржёт и у них всё валится из рук.

В Кота полетело много чего незапланированного, он

едва уворачивался. «Что происходит?...» По пути успел

взглянуть на Анджапаридзе, тот расплылся в улыбке, прижимая к себе Кармен. У той глаза были шире объятий влюблённого Дона Хозе. Подошёл такт вступления

мальчишеского хора. Кот повернулся лицом к дирижёру, Ярославу Антоновичу Вошаку, народному артисту, который много чего в своей жизни повидал. Но тот от неожиданности махнул палочкой мимо нот и ритма, что

неизбежно отразилось на великом произведении Жоржа

Бизе. Оркестр довольно заметно сбился. Сбился и маль-чишеский хор. Кто начал, кто опоздал, продолжая ржать.

Людмила Вениаминовна гигантской чайкой размахивала руками в кулисах, готовая улететь от позора за тридевять земель и столько же морей, включая высокие горы. Она отчаянно пыталась спасти положение, подсказывая ритм.

Увидев красный нос Котина, хормейстер пришла в ярость и сделала попытку вырваться на сцену, чтобы в этот раз убить не какую-то там задрипанную Кармен, а негодного мальчишку, который вот так, в мгновение

ока, перевернул историю нетленки Проспера Мериме и Жоржа Бизе.

Как закончился спектакль — Кот не помнил. Он не-которое время скрывался в кулисах. Потом его прятала массовка, которая и сама было не прочь выкинуть что-нибудь подобное. Наконец, его привели к Зурабу Анджапаридзе. Тот, улыбаясь, поздравил с дебютом. Особо

поздравил с неожиданной находкой в мизансцене:

— Жаль, что многие к ней не были готовы, в том числе и я. Но смешно! Надо закрепить. Зрители отреагировали, я слышал.

28

Закреплять не стали. Просто выперли Кота из театра и запретили вахтёрам его пускать. В этот раз Людмила Вениаминовна была непреклонной...

Руководству музыкальной школы преподнесли всё это как сорванный спектакль, как небывалую хулиганскую выходку ученика, явно будущего кандидата в уголовники...

Пётр Фёдорович с жаром хлопотал за Котина, который всё честно рассказал. В конечном итоге после долгих

дебатов, в графе «хоровое пение» вместо «гуся», то бишь двой ки, поставили прочерк и оставили Кота в покое. Мать

не очень опечалилась, лишь для порядка пожурила, на-хохотавшись от души, когда сын показал ей всё в лицах.

Больше всего её позабавил красный клоунский нос...

Глава шестая

...Июнь пылал жарой. Плавил асфальт. Город изнывал в ожидании спасительного дождя, а в небе ни тучки.

Каждый тополь в Воронеже оброс белым пухом, напоминающим то ли гигантскую фату, то ли разодранный пакет аптекарской ваты.

Город за неделю поседел, словно пережил ещё одну вой ну. Поседели и родители. Настал час пожаров, поджо-гов и взмыленных пожарных, которые мотались по дворам с лекциями и брандспойтами, туша всё, что горело и дымилось. А горело всё сразу и везде...

Это был их пацанский час. Которого ждали год. Но в этот раз всё превзошло их ожидания многократно.

За сплошной стеной тополиного пуха едва угадывалась листва. И это, подожжённое, с рёвом и гулом мгновенно сгорало, уносясь пламенем в небо, обнажая скукожившуюся листву, будто её в знойный день поразил

небывалый мороз.

Тополя в Воронеже ростом с пятиэтажные дома. Невероятные факелы, объятые пламенем!

29

Юные пироманы соревновались, — у кого пламя выше! У кого гудит громче! У кого горит ярче! А рядом иссушенные солнцем деревянные сараи, такие же жилые бараки. И ни облачка на небе. Ни дождинки!..

По радио, телевидению, в газетах ежедневно звучали грозные предупреждения. По городу с рупорами разъезжали спецмашины. Пожарные не смыкали глаз. Милиция на мотоциклах с колясками в поте лица моталась

по дворам. Но всё это плюс родительские наставления и запугивания скорее заводили воронежских пацанов, нежели останавливали.

Столкнулись непримиримые, несопоставимые июнь-ские величины!..

После обгоревших тополей Поляк, Треска, Кузнечик и Кот с восторгом жгли пушистые залежи вдоль бордюров. Они напоминали длинные толстые бикфордовы шнуры. По ним иногда огонь пробежал несколько десятков метров. Больше всего нравилось палить пух, накопившийся в углах подворотен, в палисадниках, у деревянных

заборов и стен бараков. Намётанные сугробы высотой

в метр сначала с шипением, а потом с каким-то звериным

рёвом вспыхивали как порох, оставляя после себя оголённую черноту пустоты. Было в этом что-то завораживающее, первобытное, превращавшее рассудок в ничто...

(отступ)

— Эгей! А вот и я! На манеже Сергей Котин! Спешите видеть!

Кот, нацепив на нос красный шарик, резвился. Крутил колёса, коряво переворачивался с рук на ноги, при этом постоянно падал. Треска, Кузнечик и Поляк ржали, чем подстёгивали неутомимого Кота выделять всякие штуки, что приходили в голову. Получалось смешно.

Серёга в раже подцепил ладонями тополиный пух, что залежался в укромном месте. Водрузил его на голову.

Пред гоп-компанией предстал этакий одуванчик с белой

30

шапкой на башке и красным носом. Серёга раскинул руки, растопырил ладони и скорчил уморительную рожу.

Треска грохнулся на землю и задрогал ногами. Кузнечик залился смехом и согнулся пополам. Поляк подкрался

сзади и чиркнул спичкой...

Смех прервался воплем. Шапка на голове Кота пыхнула. Огонь охватил голову, в очередной раз сжирая огненным смерчем всё, что могло гореть.

Запахло палёными куриными перьями. Кот помнил этот запах: мать приносила кур с рынка и опаливала их на газовой плите перед тем, как зажарить. Теперь жарили его...

Поляк молотил что было сил по голове Кота. Треска
бросился помогать. Кузнечик испуганно заплакал, увидев, как заживо стораает его друг.
Как Лазо, о котором он

совсем недавно прочитал. Наконец, всё успокоилось...

Поляку без лишних слов предполагалось набить мор-ду, что по пацанскому закону было
бы понятно, и что, благородно, по дружбе, предложил сам Поляк. Обошлись
словами, извинениями и клятвами в вечной дружбе...

Нина Васильевна Котина нависала над сыном с ремнём в руках со смешанным чувством
справедливого негодования и с едва сдерживаемым смехом.

— Ну! Доигрался?!

Снизу на неё смотрело, сидящее на полу и шмыгающее
носом, испуганное существо с обгоревшими ресницами
и такими же покоцанными волосами с загнутыми вверх
краями. «М-да-а... Без парикмахера и стрижки под «ноль»
тут не обойтись» — Мать Серёги была в раздумье. — «Для
нормального дворового пацана это смерти подобно — за-ключают! Поди, объясни, что у
него не лишай и не педику-лёз. Ни того ни другого отродясь не было!...»

Пахло от погорельца тоже так себе.

Смешил мать клоунский нос Серёги, который тот забыл снять. Она едва сдерживалась.

31

— Ну? И что мне с тобой делать, клоун погорелого
театра?

На неё из-под рыжих опалённых ресниц взглянули
глаза, полные слёз:

— Цирка.

— В смысле?

— Клоуны в театре не выступают...

Глава седьмая

Поезд перестуком колёс отмерял километр за кило-метром, стремясь в конечный пункт
назначения, но ни

на сантиметр, не приближал Котина к самому себе.

Он по привычке перебирал в ладони клоунский носик, когда-то подаренный старым цир-
ковым артистом Юрием

Котовым. Этот предмет для Котина — теперь тоже про-фессионального клоуна — давно
стал талисманом, спутником жизни, оберегом и всем тем, чему люди так часто
поклоняются. Из рук он его почти не выпускал.

На манеже Котин не носил размалёванную маску.

Профессия наложила отпечаток — и гримироваться
не надо: странный меланхолик с грустными глазами спа-ниеля и поступками ребёнка. И
на манеже. И в жизни...

Поезд укачивал. Красный шарик грел ладонь и успо-каивал. Глаза, смотрящие в окно
вагона, слезились, то

ли от воспоминаний, то ли от слепящих бликов солнца, разгулявшегося в небе.

Голос соседа по купе вернул Котина на землю:

— Ты кто по жизни? — Соседу хотелось поговорить, скоротать время. Котину как раз
наоборот. Он смотрел

в окно на проплывающие пейзажи. Привычно был где-то
не здесь. Тянуло в облака. Ему бы лётчиком, а тут...

Сосед повторил вопрос:

— Так кто ты по жизни, если не секрет?

— Клоун.

32

— Понимаю. Мы все клоуны в той или иной степени.

Я серьёзно.

— Я и говорю серьёзно. Клоун. В цирке работаю. —

Сергей нацепил красный шарик на нос и взглянул на собеседника. — А так?

— Всё равно чё-то непохож. Лицо и глаза не те. Клоун должен быть...

— Похож на придурка?

— Ну... что-то в этом роде.

— Тогда это, точно, обо мне. — Котин вздохнул и снял с носа шарик. — Я придурок не на манеже. По жизни...

— Тогда мы все, точно, клоуны...

(отступ)

В последнее время его разрисованная жизнь дала сбой.

Когда совсем становилось невмоготу, тоска ржавчиной сжирала сердце, Сергей пытался себя хоть как-то разве-селить. Водружал красный шарик на нос и строил перед

зеркалом рожицы. Grimасы, которые когда-то в детстве

смешили, теперь превращались в печальные рожи с появившимися морщинами, напоминавшими трещины на

стенах старой цирковой гостиницы, оклеенных поли-нялыми обоями.

Трещины Котина заклеить было некому. Но он держался...

(отступ)

В первом браке семейная жизнь не задалась. Развали-лась. С женщинами, что потом встречались на жизненном

пути, тоже не складывалось. Виною всему был он сам.

В начале знакомств Кот любил каламбурить, неудержимо фонтанировать. Создавалось впечатление: он

человек- праздник, человек- шампанское! Через какое-то

время его женщины удивлялись: куда что девалось? Котин

резко замыкался. Молчал, блаженно улыбался. Был ровным, без эмоций. Он провали-вался в себя, где ему было

33

уютно и спокойно. На вопросы: «Что случилось?» — смотрел с непониманием: «У меня всё нормально! Я всегда такой...»

Это, в самом деле, было его нормальным состоянием, когда не надо было себя «заводить», настраивать на встречу с публикой, производить на кого-то впечатление. Он

предпочитал тихий блюз будней изнуряющему рок-н-роллу. Любил тишину. И одиноче-ство. Ему не было скучно

с самим собой. Понимания своих нелогичных поступков

он не встречал у людей. Чаще всего у женщин. Не попа-дались такие. Пока не появилась Татьяна. Его Татьяна...

Первую жену, которая случилась на последнем курсе

циркового училища, куда он всё-таки поступил с пятого

раза, уже после армии, звали Снежана. Красивая такая, грудастая. Шумная. И в постели. И в жизни. Вся напоказ.

Этакий танк, который ежедневно давил Серёгу своей обыденностью и приземлённостью.

Они с ней и её малолетним сыном чуть больше двух лет прожили в её однокомнатной квартире на первом этаже. Котин мечтал когда-нибудь поселиться в высотке на последнем, поближе к облакам. Но они так и остались на цокольном. Во всех смыслах. От земли так и не ото-рвались...

Она работала в парикмахерской, где они и встретились. Педагог Котина по жонглированию, Фирс Петрович

Земцев, был ещё и руководителем группы каскадёров на «Мосфильме» Это сейчас там ассоциация и целая куча профессионалов, а тогда каскадёрили в основном опытные цирковые. Земцев давал подзаработать и студентам.

Серёге предстояло мелькнуть в крохотном эпизоде. Ради искусства он был готов на всё.

— На лысб! — Котин решительно подставил голову и выпрямил спину.

Грудастая парикмахерша вскинула брови:

— Такую красоту!

34

Серёга за время студенчества отрастил густые русые патлы, которые ему очень шли.

— Так надо. Я в кино снимаюсь.

— Вы, в кино? — Физиономия парикмахерши вытянулась, и она вся стала само почтение.

— А вы кто?..

Так состоялось их знакомство. Которое постепенно переросло в нечто большее. Сначала она подкармливала бедного студента, приглашая в гости. Потом он и глазом не успел моргнуть, как оказался в её постели, а перед окончанием училища и в ЗАГСе.

Чтобы наладить контакт с ребёнком Снежаны, которая уже побывала замужем, он решил использовать «би-тую карту» — нацепил носик. Взъерошил волосы и сказал мультяшным голосом Карлсона:

— Привет, малыш!

Снежана осклабилась, раскатисто рассмеялась, а её сын испуганно прижался к бедру мамы и... заплакал.

Котин замер в недоумении.

— Ну... Я так не играю! Малыш плачет, варенья нет.

Я тогда полетел назад в цирк!..

Это был первый в его жизни случай, когда ребёнок испугался клоуна. Со временем понял почему...

— Кот! Ну что ты, как малое дитя, всё время ле-зешь обниматься! Ты же взрослый мужик! — Снежана

отодвинула Серёгу от своей пламенной груди. — Платье помнёшь!

Котин в очередной раз потух взором, опустил руки.

— Это лучшее лекарство от одиночества. И холода.

— А меня ты спросил, нужно мне твоё лекарство?

Я ничем не болею.

— Душа должна греться. А это лучше делать вдвоём.

Так теплее...

Сергей взглянул в глаза той, которая по факту была ему женой, и ничего там не увидел. Понял, она ждёт окончания их очередного странного разговора.

35

— Ты просто... — Котин сделал паузу, подбирая максимально безобидные слова, наконец нашёл: — Очень

взрослая...

Далее он сказал вообще что-то непонятное:

— Жаль, что ты не слышишь музыку моих мыслей...

Снежана сконвертировала его слова в доступное ей:

— Зато я каждую ночь слышу музон твоих снов: всхра-пываешь, вскрикиваешь, постанываешь... Сплошной по-хоронный марш!

— Так звучит мой осенний блюз!..

— Кот! Когда ты бросишь эту заумь?

— Когда Заумь бросит меня...

— Что ты на меня так смотришь?

— А куда мне ещё смотреть?

— Смотри в окно.

— Смотрел. Там тебя нет...

Они отдалялись всё дальше и дальше. Последней каплей оказался тот памятный разговор, когда они вернулись с гастролей домой. «Танк» пошёл в любовную атаку:

— Когда ты, наконец, меня возьмёшь с собой на манеж? Я тоже хочу!

— И что ты там будешь делать?

— Тебя украшать, себя показывать. — Видимо, кто-то, кто был восхищён её формами, сказал, что она будет

украшением в любом цирковом номере, и она поверила.

— Тебя показать — да, есть на что посмотреть. Я-то что буду делать рядом с тобой? Мне показать нечего, я людей смешу. И тебя, судя по всему, в последнее время. — Котин прозрачно намекнул на их семейные отношения. Через год после свадьбы, когда он выпустился из училища и поехал на свои первые в жизни гастроли, Снежана как с цепи сорвалась. О её загулах и изменах шептались все вокруг. Кот

мужественно терпел сколько мог, но был уже на пределе.

Сегодня Снежана схватила Серёгу за грудки и требовала немедленного решения.

36

— Я тоже хочу, чтобы на афишах писали моё имя.

Рядом с тобой, крупно: «Сэ.Котин и Сэ.Котина». А? Смо-трится? Звучит?

— Ну да. Прямо как на воротах мясокомбината. Или скотного двора...

— В смысле? — Дородные груди Снежаны заколыхались в негодовании. — Поясни!

— А ты напиши на бумажке и внимательно прочти.

Только ударение правильно поставь. Я-то ещё ладно —

«Сэ.Котин». Но ты сама себя назвала.

Снежана возопила:

— Давно хотела тебе сказать! Не я скотина, ты скот безмозглый! Клоунишка задрипанный! Был бы хоть каким-нибудь воздушным гимнастом или канатоходцем, а то людям и сказать нечего — сочувствуют! Всё! Хватит!

Вали из моего дома!..

Глава восьмая

В этот раз на репризу «Чехарда» в манеж высыпало более полусотни детей разного возраста. Билетёры

не смогли остановить эту стихийную лавину, к тому же

Котин сделал им знак: «Пусть — справлюсь».

Кое-как исполнив клоунаду, смысл которой практически потонул в непоседливой массе, Сергей громко

спросил:

— А хотите, я покажу вам цирк и всё, что в нём есть?

Детвора дружно закричала: «Да-а!..»

Котин выстроил детей длинной цепочкой, приказал чётко следовать за ним. С манежа они пошагали вверх по лестнице к галёрке, а оттуда в фойе цирка второго этажа.

Экскурсия началась...

Где-то там, на арене, грохотала музыка, слышались аплодисменты. А эта стихийно организованная толпа детей, руководимая клоуном, заглядывала в каждый уголок

37

фойе. Котин всё время рассказывал что-то удивительное, учил обращать внимание на простые вещи, которые

в обыкновенной жизни мало кто замечает. Он показал затерявшуюся в укромном уголке паутину, где жил паук.

Сочинил по ходу историю, похожую на сказку. Подвёл детей к огромному запylённому стеклу циркового фойе.

Нарисовал на нём каких-то неведомых добрых созданий, называя их друзьями. В разбитом угловом стекле нашёл

дыру, которая в полный стеклянный рот улыбалась им.

И напоследок показал детям радугу. Она после первого весеннего дождя сияла сочными красками точно напротив цирка. Все прилипли к стеклу, расплющив носы, вглядываясь в небо и разноцветную дугу, опоясавшую город.

Потом эта процессия потянулась из фойе за кулисы, где шла будничная цирковая жизнь, кипучая, озабоченная

представлением.

С появлением этой неожиданной делегации всё

смешалось, сбилось с темпа, захромало. Униформисты

не знали, как выносить реквизит, чтобы никого не травмировать. Инспектор манежа метался по закулисыю

и тихо, чтобы не пугать детей, высказывал Котину претензии. Артисты пытались протиснуться через гомо-нящий детский табор к выходу на манеж, рискуя туда

опоздать.

Огромная, плохо управляемая галдящая ватага старалась заглянуть во все уголки, мешала представлению, громко выражала свои восторги и задавала сотню вопросов в секунду.

Инспектор манежа, чертыхаясь и делая страшные

глаза «экскурсоводу», разрывался между манежем и за-кулисьем, едва контролировал небезопасную ситуацию, которая так стихийно возникла.

Подошла очередь клоунской репризы.

Инспектор возопил:

— Котин! На манеж. Реприза! Этих куда?

38

— Со мной...

Клоун скомандовал детям выстроиться по одному и шагать за ним.

Когда эта живая цепочка стала появляться на манеже, вопли и аплодисменты родителей оглушили подкупольное пространство. Их дети по команде клоуна то приседали на корточки и шагали гусиным шагом, то изображали

обезьян и скакали по манежу, то становились на четвереньки и рычали тиграми, то лёгким бегом по кругу

и взмахами рук изображали птиц. Все были в восторге!..

Неожиданных партнёров Котина пришлось долго

рассаживать по рядам, с трудом находя их места. В зале

царила радостная суматоха. Родители не могли выудить

с манежа своих детей. Те категорически не желали возвращаться в прежнюю жизнь, собираясь навсегда остаться

в этом волшебном круге, зовущемся цирковой ареной.

Наконец, всё вернулось на круги своя. Представление

окончательно потеряло свой привычный темпоритм. Инспектор манежа не нашёл ничего лучшего, как объявить

антракт.

За кулисами разразился скандал. Котину столько на-говорили нелюбезного, сколько он не слышал за всю

свою жизнь.

— Это же дети!.. — Всё, что смог он сказать в своё оправдание.

Ко всему прочему в этот час на представлении оказался директор.

— После представления ко мне!..

Не сняв костюм и грим, Котин постучал в директорскую дверь.

Тот долго ругал. Точнее, пытался.

— Вы сорвали представление!..

Котин переминался с ноги на ногу, вздыхал, беспомощно улыбался. Тихо, едва слышно повторил фразу, сказанную ранее инспектору манежа:

39

— Это же дети!..

— Это — цирк! — грозно парировал директор, имея в виду, что их предприятие есть зона повышенной опасности и посторонним за кулисами делать нечего.

— Я и говорю: цирк... — с прежней улыбкой почти прошептал Котин.

Глядя на лицо в клоунском гриме, фигуру, по-детски

беззащитную, директор вдруг осознал: всерьёз он ругать

Котина не может. В словах стоящего сейчас перед ним

человека были какие-то невероятные сила и правда, которые перевешивали все доводы.

Директор только и смог

сказать:

— Уйдите с глаз моих!..

Дверь тихо закрылась. Лицо руководителя циркового предприятия вдруг перекосила странная гримаса: то ли он собирался рассмеяться, то ли расплакаться. Он так и застыл с этим выражением, глядя в окно, где почки на деревьях наливались весенним соком, а бездонное синее небо Божьей благодатью...

Глава девятая

И всё-таки он тогда поступил в цирковое училище.

С пятой попытки. После армии. Когда уже и надежд не осталось, потому что вступительные экзамены уже закончились. Пока оформлял гражданские документы, собирался устроиться в Воронежскую областную филармонию жонглёром, чтобы на хлебником не сидеть

на шее у матери — все сроки вышли. Тем не менее набрался храбрости, поехал в Москву, появился в конце августа

к директору циркового училища Волошину Александру

Маркиановичу и упросил того устроить просмотр.

Курс на эстрадное отделение, куда входило и отделение клоунады, был набран. А на физкультурно-акробатическом (ФАО), которое позже переименовуют

40

в отделение цирковых жанров (ОЦЖ), случился недобор.

Двое поступивших забрали документы. Вот и решили

взглянуть на нового абитуриента, который уже был знаком некоторым педагогам своей настырностью.

После просмотра Котина Волошин спросил педагога

по жонглированию Земцева:

— Ну, Фирс Петрович, что скажешь?

— А чему я могу его научить? Он уже всё умеет.

— Тогда берём сразу на второй курс. — Подвёл итог Волошин, ткнув пальцем в грудь Котина. — Начинай учиться, по ходу сдавай экзамены. И чтобы всё

по-взрослому! Смотри мне! Зачислен пока с испытательным сроком...

(отступ)

Котин решил напоследок ещё раз пройти комбинацию, которая пока никак не удавалась. Куража себя и дурачась, нацепил клоунский нос и стал из последних сил добивать непокорную жонглёрскую вариацию. Настенные часы училища уже давно отметили полночь.

На балконе второго этажа, который по периметру опоясывал так называемый квадратный манеж, вот

уже полчаса незаметной тенью стояла Антонина Парфентьевна Майхровская — заведующая учебной частью

эстрадного отделения и клоунады. Худющая, строгая, энергичная. Казалось, что она существует одновременно во всех уголках циркового училища. Где бы ты ни

оказался, она тут как тут. Когда Майхровская ездила

домой отдыхать и ездила ли вообще — никто не знал. Её

можно было встретить в восемь утра где-нибудь в танц-классе, куда она заглядывала, проверяя, кто в очередной

раз проспал аттитюды с балансе. Поздними вечерами

она совой летала по кабинетам и учебным манежам, гоняя студентов, решивших продлить дневные репетиции. Крику было много, но в её голосе звучала безграничное уважение профессионала и спрятанные тёплые

41

материнские нотки. Студенты эстрадного отделения и клоунады за глаза звали её Пантомима Портвейн-тьевна, а все вместе взятые уважительно и любя — наша

Парфуша...

В этот раз на месте ночного преступления был застукан Серёга Котин. Он уже, ваясь с ног, готовился было

сделать последний бросок, как перед ним мелькнула ночная тень и звонкий голос сотряс кубатуру зала, увешанную трапециями. От неожиданности даже показалось, что зашевелилась уставшая за день красная акробатическая дорожка. Вздогнули гимнастические брусья. Отозвалась струной туго натянутая проволока- канат. Сонные фонари ночного освещения очнулись и стали светить ярче. Всё ожило и напряглось.

— Ты чего здесь делаешь в такую позднь? Тебе дня мало?

— Жонглирую. Пытаюсь придумать номер.

— Это дело твоего Земцева. Хотя... молодец, если сам тоже думаешь. Как говорится, одна голова хорошо... — Парфентьевна укротила децибелы, стала разговаривать с Котиным не как с нарушителем распорядка учебного дня, а как человек с человеком.

— Ты почему на ФАО, а не на клоунаде, у Бреева?

— Куда взяли, туда и поступил. А кто такой Бреев?

— Твой папа!

— У меня никогда не было папы. Только мама, в Воронеже.

— Теперь будет... Посмотрела я тут на тебя с небес.

Не первый день наблюдаю. Жонглируешь ты хорошо.

По трюкам даже виртуозно, ничего не скажешь. Но у меня впечатление, что это не твоё. Жонглёр — это энергия, огонь, страсть! И не только на манеже, но и в жизни. Жонглёр — это не жанр. Диагноз! У тебя же булавы летают, будто в невесомости. Бабочками порхают. Спят. Ты с утробы матери — лирик! У тебя, 42 как у Пьеро, в глазах слеза! А это уже — Её Величество Клоунада. Здесь надо глубоко. Через сердце и душу.

А не через крашеный нос и дурацкий колпак, как многие думают. У настоящего клоуна смех только через

слезу...

Котин измученными руками прижал булавы к мокрой груди.

— Может, я такой номер и делаю...

— Вряд ли такой номер будет иметь успех. В цирке людям нужен праздник. Маскарад. Карнавал. Но обязательно через смысл. А меланхолию нужно будет прятать так, чтобы никто её не заметил. Но почувствовал!..

Вот когда не ты будешь плакать на манеже, а люди

в зале, только тогда можешь считать, что стал тем, о ком я сейчас тебе втолковываю. На это у тебя уйдёт

не один год. Скорее всего — жизнь. Вся, до последнего дня. А до этого тебе ещё предстоит стать калекой... —

Парфентьевна сделала паузу. Взглянула на Котина, который смотрел на неё во все глаза, не понимая. Улыбнулась, пояснила:

— Не в прямом смысле, конечно. Нужно будет пережить не одну трагедию в жизни, чтобы это отразилось в твоём творчестве на манеже. Плата за умный

смех — всегда одиночество. Жизнь и судьбу не сыгра-ешь, каким бы ты великим актёром ни был. Только через

обожжённую кожу. Наживую...

Майхровская жёстким, цепким взглядом окинула стоящего перед ней, по сути, мальчишку, обнимающего булав.

— Ты готов?

Котин задумался. Потом упрямо посмотрел на Майхровскую и уверенно кивнул.

— Смотри! В эту ночь ты, возможно, сделал самый трудный выбор в судьбе. Учти — это навсегда. До конца твоих дней...

43

Глава десятая

Котина, к его великой радости, перевели на отделение клоунады. Наконец, сбылось! Земцев всё понял. Не посчитал это предательством. До выпуска он так и остался

педагогом Котина по жонглированию.

Серёга с упоением стал заниматься пантомимой у Ильи Григорьевича Рутберга, где быстро приобрёл профессиональную пластику. Стирая подошвы, старательно барабанил степ у Михаила Сергеевича Михайлова.

У других педагогов осваивал технику речи. Обожал уроки сценического движения. Отводил душу на занятиях по вокалу. Изучал многое такое, о чём ещё недавно и понятия не имел.

Ему вспоминалось, как ещё недавно они всем курсом посмеивались над немощными студентами эстрадного отделения, когда те спускались со своего второго этажа к ним на манеж заниматься акробатикой, гимнастикой и жонглированием. Хохотали над их хилыми неуклюжими телесами, пока будущих артистов цирка не пригласили

на просмотр, где те же самые хилаки, вдруг преобразившись, лихо танцевали степ, играли на музыкальных инструментах, показывали пантомимы, профессионально пели и читали произведения на недоступном уровне.

И они, цирковые, в одночасье зауважали эстрадников.

(отступ)

Борис Александрович Бреев, пойдя на поводу у Котина, создал ему образ Пьеро и попытался было сделать репертуар. Больше двух реприз не придумалось.

Балахон Пьеро мешал исполнять акробатические трюки. Медлительный образ не позволял развивать темп

реприз. Стоило увлечься, образ рушился. Выходило странно, скучно и неубедительно. Они зашли в тупик.

Бреев предложил взять партнёра: «И реприз будет больше, и образ легче создать, и играть в паре можно ярче

44

и шире». Сергей наотрез отказался. Тогда решили, что

образ нужно искать менее театральный: почти без грима, только подчёркнутая тёмным карандашом вырази-тельность глаз, чуть вскинутые в удивлении брови, слегка выбеленное лицо. В костюме тоже минимум деталей: эластичные брюки, рубашка с широким воротом апаш, рукава чуть длиннее локтя. Всё сдержанных тонов, но достаточно контрастных с ковром манежа. На ногах

клоунские ботинки «бульдожки», но не огромных раз-меров, а ближе к своему, чтобы не терять пластику в походке. Вырисовывался образ такого обыкновенного парня с улицы, доброго, трогательного, лирического с грустинкой. Котин с Бреевым засучили невидимые рукава. Дело пошло...

(отступ)

...Мать была в отчаянии. Он приехал к ней на ноябрь-ские праздники в Воронеж, чтобы хоть несколько дней

побыть вместе. Она всплеснула руками:

— Подумай, сынок. Ведь всю жизнь придётся без угла цыганить, бродяжить. Да и что это за профессия — клоун!

Люди будут смотреть на тебя как на какого-то блаженного, смеяться, пальцем у виска крутить. Вот баян — другое

дело. На свадьбах был бы первым парнем. Учеников бы набрал, как твой Ворсин. При деньгах и уважении. Сыт, пьян и нос в табаке. С баяном всю жизнь в белой руба-шечке, а не как мы на фабрике в замызганных халатах и с руками, которые не отмоешь. И не с чемоданом в руке по вокзалам, как бездомный бродяга. Подумай, сынок!

Ведь ещё не поздно...

(отступ)

В один из дней он посмотрел программу в воронеж-ском цирке. Не впечатлило. Душа просила чего-то иного, что словами пока не могла объяснить. Ничего, кроме предчувствия и томления духа в том месте, где жила та самая душа, в данный момент не было, а была какая-то

45

тяжесть. Которую можно только выгулять, чтобы отпу-стило. Старое средство. Проверенное годами...

Он решил пройти по местам детства.

От цирка напрямик — улица Пушкинская. Через два квартала его музыкальная школа. А вот и балкон, на котором они стояли с Петром Фёдоровичем, смотрели на цирк, и он тогда сказал слова, какие Котин ещё не слышал от взрослых...

Вперёд триста метров, и родные стены из красного кирпича. Бывшая школа № 38, где он, Серёга, проучился с первого по седьмой класс.

Котин погладил шершавую стену. Та отозвалась старой историей...

Вспомнилось ярко, зримо, до такой степени осязаемо, что перехватило горло. Стыд через годы ожёг кипятком.

Стало муторно. Тошно...

Ранние утренние уроки пятого «Д», ещё недавно про-ходившие в сумраке, с прибавлением светового дня, всё меньше нуждались в электрическом освещении. Весна набирала соки, и солнечные дни становились длиннее. На перемене она, дежурившая по классу, встала на парту, чтобы выключить свет. Он, Серёга Котин, озорной дворовый пацан, оказался рядом. Она потянулась к выключателю. Из-под её школьного платяца выгля-нули смешные байковые трусы. Он, толком не созная, что делает, взял и сдёрнул их вниз... Класс звонкими, неустоявшимися голосами ржал та-буном лошадей. Она стояла на парте. Маленькая. Растерянная. В огром ных очках на некрасивом лице. Она не плакала. Она замерла... Заплаканная мать Серёги умоляла оставить его, без-отцовщину, в школе... Через несколько дней Анна Александровна, их классный руководитель, поставила Веру Боеву (так её звали) 46 у чёрного прямоугольника учебной доски. Она снова стояла бледная, трепещущая, с короткими косичками. И снова было ощущение, что её огромные очки с тол-стыми линзами и были её лицом. Именно это и помнил Котин всю жизнь... Анна Александровна, пунцовая от негодования, что-то говорила. Потом подняла его, подозвала к Вере и заста-вила извиниться перед ней и всем классом. Ему было стыдно ещё тогда, когда это случилось. Он никак не мог забыть трепет и ужас, стыд этой девочки, который её испепелял перед открытыми ртами одно-классников, изрыгающими смех. Она стояла на парте униженная. Недоступная. Одинокая. Выше всех... Ах, как ему было жалко её тогда! И как он её ненави-дел за слабость! За эти дурацкие трусы, которые висели у неё на угловатых коленках. За нелепые очки в половину лица. За эти огромные подслеповатые глаза, увеличен-ные диоптрией. И он ржал вместе со всеми. Может, даже громче всех... Сейчас класс напрягся. Он подошёл к доске. Вера стояла, опустив глаза. Она ничего не ждала. Может, только одного, чтобы это всё скорее закончилось. Котин подошёл к ней почти вплотную. Посмотрел сверху вниз. Её голова была на уровне его груди. Он видел редкие белёсые волосы, разделённые пробором на два ряда, заканчивающиеся жидкими косичками. Сердце его ударило куда-то в под-бородок, обожгло жалостью к ней и презрением к себе. И он сделал то, что потом не могли объяснить ни взрослые, ни он сам. Котин расстегнул ремень. И решительно опустил свои штаны вместе с трусами вниз... Ему впервые в жизни было необыкновенно легко! Свободно. Он словно сбросил груз этих нескольких дней, пока на педсоветах и родитель-ских собраниях решалась

его школьная судьба...

47

Кто-то хохотнул, но это скорее было похоже, что человек поперхнулся. Класс погрузился в звенящую тишину. Анна Александровна, прижав руки к груди, стояла истуканом, не зная, что делать. Сидящие за партами с вытянутыми лицами замерли. Как замерло время, от-считывая мгновения жизни и будущую судьбу каждого из их пятого «Д»...

Вера, подняв голову, посмотрела на Котина сквозь толстые линзы. Он впервые рассмотрел её глаза. Они были синие- синие! Как два кусочка весеннего неба, за-глядывающего сейчас в школьные окна. В её глазах, уве-личенных этими дурацкими очками, не было ни обиды, ни злости. Было что-то иное. Очень важное. Чего Котин ещё не ведал. Не пережил...

Вера опустила руки и... медленно подтянула к животу Котина всё, что он приспустил к своим коленям.

Он так и прошёл к своей парте с не заправленной в брюки белой рубашкой, поддерживая штаны...

Он её провожал до дома пару раз, неся портфель. То ли хотел как-то искупить, то ли понять что-то. То ли...

У неё, оказывается, была только мама. Ничего о своей однокласснице он толком так и не узнал. Зачем?..

А потом Вера перестала ходить в школу. Всё быстро забылось. Жизнь потекла рекой, у каждого своей.

Где-то через месяца два, перед самыми каникулами, когда солнце светило в полное небо, в класс вошла запла-канная Анна Александровна.

— Вера Боева умерла...

(отступ)

Собрав нехитрый скарб студента, Котин с сумкой через плечо, как с тем чемоданом, о котором говорила мать, решил добраться до вокзала пешком. В этой жизни кани-кулы короткие...

Выходя из подъезда старого, ещё довоенного дома, не удержался, обернулся напоследок. За последние годы

48

двор сильно изменился. Коммуналки с гужевым двором давно снесли. Спилили, выкорчевали их тополиный сад.

От его детства не осталось и следа. На освободившееся

место воткнули две серые пятиэтажки. Бывший, некогда просторный, двор скукожился, потерял горизонты

и саму суть двора. Его дом остался в одиночестве. Такой же жёлтый, сколько он его помнил. В солнечную погоду похожий на квадратный апельсин или такое же солнце.

В непогоду — трёхэтажная ржавая замухрышка, дожива-ющая свой век...

Полуоткрытая, обшарпанная временем и непогодой

подъездная дверь от налетевшего ветра чуть качнулась, приоткрылась шире, словно на прощание попыталась

улыбнуться или что-то сказать чёрным провалом беззу-бого старческого рта. Кот поднял воротник и заторопил-ся, чтобы не влететь в остывший подъезд и не стать гладить до боли, до сердечного спазма, с детства знакомые

стены. «С прошлым надо прощаться легко! С прошлым надо прощаться легко!» — как мантру повторял он одно и то же, идя улицами детства. Но облегчения не приходило. Скорее наоборот. Где-то там, в стенах их двушки, осталась постаревшая мать. В гулком одиночестве вечного ожидания...

«Вот и становлюсь я постепенно калекой...»

Осень хлестала холодом по щекам. Оставшиеся листья попеременно с первым снегом жёлтым вороньём взви-вались в небо и опадали скукоженными кукурузными

хлопьями на поседевший асфальт...

Глава одиннадцатая

— Послушайте, Котин! Я не знаю, кто вас там после циркового училища оформлял в Главк, но это никуда не годится! — Директор хмурился и старался быть весьма деликатным, что ему с трудом удавалось. — Вы

49

понимаете, зрители в один голос говорят одно и то же — не смешно! Может, вам в театр перевестись? Клоун должен быть смешным! Иначе зачем всё это? Что у вас за репертуар такой? Кто вам его делал?

Разговор был до предела неприятный.

Жизнь в последние годы круто изменилась. Всё вокруг, в одночасье, стало плоским, скудоумным. Телевидение, кино, видеофильмы — сплошь мордобои, пошлые анекдоты, примитивные сценки. Ушли настоящий тонкий юмор, доброта, душевность. И это случилось так быстро, что Котин не успел и глазом моргнуть. Его творчество, глубокое

и направленное на созидание человеческой души, стало вдруг никому не нужным хламом. Лишь иногда он слышал слова поддержки, на которые и опиралась его душа.

После «общения» с директором хотелось сжаться в комок, как в детстве, когда Котин по утрам оставался один на один с тенями, шорохами, странными звуками в коммунальной квартире, где никого не было. Он лежал под одеялом, укрывшись с головой, задыхаясь от страха, боясь высунуть нос.

Странное, непонятное слово «работа» забирало тогда по утрам всех взрослых, раскидывало детей по яслям, детским садам и прочим углам, куда удавалось их пристроить. Котина не пристраивали. Мать Серёги считала это предательством. Да и ближайший детсад был на краю земли. Опять же, за него надо было платить деньги, которых, сколько он себя помнил, всегда не хватало.

В обед мать прибегала с фабрики, что была недалеко.

Кормила. Гладила по голове, наспех целовала и бежала назад на проходную, чтобы не опоздать к концу перерыва.

Ела ли она сама, Серёга никогда не думал.

Со временем страхи ушли. Он пересилил себя, научился дружить с невидимыми существами, живущими рядом. Его перестали пугать шорохи, движущиеся картинки на выщербленных стенах, которые порождал старинный

50

раскидистый тополь за окном. Иногда в ветреную погоду

он стучался в давно некрашенные рамы, словно просился в гости. В эти моменты Серёге до слёз было жалко

несчастное дерево, которое, в отличие от него, никуда не могло бежать...

Играя с самим собой и с тем, что его окружало, он всем напридумывал имена. Невидимки оказались не такими уж и страшными. Даже наоборот. И потом можно

было всегда, закрыв глаза, улететь куда-нибудь высоко-высоко. Даже на луну, которая иногда светила в полную

силу в его окно, не давая спать. На ярком диске чернели какие-то загадочные пятна, и казалось, что луна улыбается ему. Было даже весело...

Котин после разговора с директором шёл в гостиницу в разобранном состоянии. Анализировал. И не находил покоя. Его привычный мир пошатнулся, потерял точку опоры.

Небо неожиданно прохудилось, будто решило окончательно доконать. Зонта, как всегда, не было. Сергей, пытаясь себя взбодрить, изобразил, что открыл зонт.

Подумал и рванул в облака. Пробив их, встретился с солнцем, купаясь в его лучах.

И так ему это явственно представилось, что он едва

не оторвался от земли с поднятой рукой. Встречные ша-рахнулись...

Сергей замер. Это же реприза! А что, если от этой жизни, которая в последнее время стала его заедать, каждый

раз в конце представления улетать в купол? И не возвращаться до следующего раза...

Реприза сложилась в несколько минут. Это именно то, чего не хватало в его репертуаре! И масштаб! И Смысл!

Котин со всех ног рванул назад в цирк...

(отступ)

Пыл молодого клоуна несколько угас, стоило репер-туарному отделу Главка задать ему вопросы. Как будет

51

выглядеть тот самый дождь? Естественно, дождь должен выглядеть естественно. То есть с купола льётся вода. Куда?

Правильно — на манеж. А там кто? Верно — артисты со

своим реквизитом, тигры с клетками и прочими животными. Если бы дело происходило в коллективе «Цирк

на воде», тогда все проблемы отпали бы сами собой. Лей, не жалеи!..

Чего Котин только не предпринимал, чтобы осуществить свою мечту. Но каждый раз, когда он приезжал

в очередной цирк на гастроли, инспекторы манежа за-рубали идею появления в программе такого гёмора

на корню. Да и канцелярия Главка не давала разрешение

на использование этой репризы и всей сопутствующей

машинерии канцелярии небесной. Нужно было обеспечить исполнение «сухого закона», то есть ни капли

на манеж! Тогда со скрипом, но хоть как-то может об-суждаться сама идея воплощения этой бредовой идеи

в жизнь.

Котин извёлся. С кем ни заговаривал, натёкался

на стену непонимания и скепсиса.

Он давно придумал душещипательный сценарий. С великими трудностями приобрёл реквизит — разноцветные

детские зонтики. Сделал на заводе и провёл испытания на нагрузки большой зонт, на котором собирался улетать в купол. Инженеры из технической лаборатории выдали соответствующие документы. Было всё. Кроме дождя...

И вот однажды Котин встретился с цирковым Кули-биным, техническим гением — Владимиром Ивановичем

Попазовым, в прошлом воздушным гимнастом и не только. О его родителях и брате ходили легенды. А об их изобретениях не говорили только глухонемые, да простится сие сравнение. Весь реквизит они разрабатывали исключительно сами. Десятки оригинальных аппаратов артистов, что теперь на манежах страны и мира — их рук дело.

И вот пришёл час Сергея Котина.

52

Владимир Иванович внимательно выслушал стенания молодого клоуна. Оторвав кусок от рулона алигни-на, которым Котин снимал грим после представления, сделал какие-то зарисовки и пометки, понятные только

одному ему.

— Послезавтра поговорим...

Через два дня на столе клоунской гардеробной растелился ватман с чертежами и описанием подвески будущей

аппаратуры с сечениями, расчётами, максимальными нагрузками.

Выходило, что, не торопясь, подвесить «поливальку»

можно будет часа за два-три, в зависимости от купола, колосников цирка и загрузки на них конкретной цирковой программы. Снять и того меньше. «Карманный вариант» — так окрестил его Владимир Иванович.

Многие цирки страны строились в основном по определённому стандарту. Но Попазов учёл и все неожиданности, которые могли бы встретиться на пути «дождя». Ему, воздушнику, за пять десятков лет работы в этом жанре

колосники цирков были известны как никому другому.

В своей конструкции он обязан был соблюсти главные условия: струи воды ни в коем случае не должны попасть на аппаратуру воздушных гимнастов, страховочные лонжи, тросовую оснастку номеров и особенно на электрооборудование цирка.

— Значит, так! Нужно будет опускать «мелиорацию»

ниже прожекторов и располагать максимально узко, чтобы сократить зону рискованного земледелия... тьфу, ты! — пространства. — Попазов, рассуждая сам с собой, вовлекал в проблему и Котина. — Выходит, на всё про

всё, у нас должно получиться чуть больше двух метров в диаметре, лишь бы ты смог влететь с зонтом в середину колосников.

— Узко, Владимир Иванович! Что это будет за дождь?

Кто меня в этой водосточной трубе увидит!

53

— А тебе нужен Ниагарский водопад? Будет тебе водопад, не делай скорых выводов. Через неделю подготовлю

макет, испытаем, увидишь. Надо пока клеёнкой разжиться или брезентом, да пошире, чтобы манеж не мочить.

Попазов не обманул. Через шесть дней, в выходной, когда программа не работала, они с Котиным забрались

на купол. Подвесились споро и легко. Сергей даже засомневался, что эта конструкция серьёзная. Вся подвеска

на хлипких тросиках. Кольцо из тонкой трубы, по кругу которой едва заметные отверстия, смотрящие не вниз, а в стороны. «Интересно, как из этого будет литься

вниз? — Подумал Котин. — Лейку и ту нужно наклонять»

Здесь же на колосниках — пластиковая канистра с водой, крохотный электромотор для нагнетания давления

в трубу, электрозапитка, идущая вниз к манежу.

— Ну что, идём вниз, смотреть на дождь...

Попазов взял в руки пульт. Нажал волшебную кнопку.

На куполе что-то едва слышно зажужжало и... Из-под

купола полились струи воды. Они падали на полинявший

брезент, который отыскался на складе цирка. За пять минут эксперимента брезент намок совсем немного. Котин

был несказанно удивлён, что из таких тоненьких отверстий могли рождаться такие брызги! Диаметр дождевого

кольца, в котором собирался работать Котин, оказался по

факту метра четыре, если не больше. Сергей был на вершине счастья. Сбылось!

— Я почему отверстия сделал сбоку. Во-первых, при давлении они расширяют диаметр охвата. Во-вторых, когда заканчивает работать мотор, вода не выливается, как могло бы быть, если лейка наклонена строго вниз.

— А как вам удалось сделать такие толстые струи?

Я думал, их не будет видно.

— Всё рассчитано. Это оптический обман. Пока они летят сверху, их освещают прожектора, вот они и кажутся настоящим ливнем. В пушках будет ещё эффектнее.

54

Осталось сделать техпаспорт — и работай. Купайся в лучах славы и дождя...

(отступ)

И это день наступил.

Владимир Иванович Попазов разработал ещё одну важную техническую деталь в репризе Котина. Разноцветные детские зонтики парашютиками слетали с купола

в нужное время, словно по взмаху волшебной палочки.

А точнее, по мановению руки униформиста, находящегося

в это время на куполе. Просто вытягивался тонюсенький

тросик, на который колечками крепились зонтики.

Р-раз! И цветастая десантура освобождалась от плена.

Паря над ареной, под гром аплодисментов, медленно падала на манеж в объятия клоуна.

Тотчас появилось у Котина прорва друзей, которые

хором утверждали, что они всегда в него верили! Сколько лестного он услышал в адрес своего, вдруг ставшего

ярким, таланта!

И лишь скромный труженик манежа, заслуженный

артист РСФСР Владимир Иванович Попазов, стоял в стороне и улыбался, подмигивая Котину. Уж он-то знал цену

словам и настоящему дождю, орошающему цирковой манеж, называемому пóтом. И мечтой...

Глава двенадцатая

Котин только что отработал репризу «Булавы». Вошёл в клоунскую гардеробную, смахивая пот и чертыхаясь.

В сердцах жёстко поставил чемодан на пол. Помотавшаяся по городам и весям фибра от удара то ли скрипнула, то

ли вскрикнула. Кот опомнился, вслух попросил у ни в чём не виноватого чемодана и его содержимого прощения.

Погладил крышку: «Реквизит-то тут при чём?!...»

Настроение было ниже плинтуса. Реприза который день не шла. Какое представление он уходил под жидкие

55

аплодисменты или, как в таких случаях говорили его сотоварищи: «Под стук собственных копыт».

По темпоритму реприза стояла в программе явно не в том месте. И ведь не передвинешь. Номера сплошь установочные, реквизитные. Какая уж тут театрализация, когда вокруг тебя суета! Униформисты, которые спешат

водрузить в центре манежа аппарат гимнастов. Турнисты, подтягивающие полиспасты, пробующие на натяже-ние тросы. Всё это мечется, размахивает руками, перего-варивается, а ты в скрещении двух прожекторов на краю

манежа, на коленях, в статике что-то там сокровенное пантомимой пытаешься поведать зрителям. Сейчас бы

выйти, громко и смешно покомандовать процессом, подгоняя всех по-клоунски. Хорошо бы с портфелем под

мышкой и со свистком во рту, как это делали уже не раз

многие традиционные клоуны. Этакий Начальник, су-ровый и властный. Сколько здесь можно было бы использовать смешных «корючек»! Прошло бы «на гром».

Но стиль его клоунад совсем иного толка. Да и образ

романтика- меланхолика «не от мира сего» не впишет-ся в эту конструкцию. А менять себя совсем не хочется.

А может, и не может-ся...

Теперь вся надежда на «чехарду», когда манеж запол-нят дети и он, Котин, будет с ними творить смех. Скорее —

улыбку. У взрослых. А потом, во втором отделении, его триумфальная реприза «Зонтики» — битая карта! Вот где душа отдохнёт. Успокоится до следующего представления...

Сергей взглянул в зеркало. Смахнул салфеткой вы-ступивший пот. Только что отрабо-танная реприза, где

он жонглировал «конфликтующими» булавами, каждый раз сжирала силы, выжигала эмоциями. А в ответ — три хлопка.

«Что-то не так! То ли со мной, то ли с этим миром...» —

Вспомнились слова Юрия Котова, сказанные много лет назад.

56

Взгляд упал на деревянную коричневую рамку, стоящую на гримировальном столе. Она обрамляла газет-ный текст. Там, на фото, он с зонтом, улетающий под

купол цирка в струях дождя. И трогательный заголовок статьи: «Клоун! Возвращайся!..» Внизу подпись инициалами: «М. К.»

В одном из провинциальных городов, несколько лет назад, о нём написала то ли очерк, то ли развёрнутую рецензию молодая журналистка, та самая «М. К.». Написала так, как никто о нём не писал никогда. Это была не статья. Это были его мысли, озвученные чужим человеком. Его жизнь!..

Некоторые коллеги, видя эту рамку с текстом, часто ухмылялись:

— Что? Холишь- лелеешь сиюминутную славу?

Некоторые, образованные, садистки переходили на латынь:

— Сик трансит глория мунди! Так проходит мирская слава...

— Никакой славы нет, так что и проходить нечему! —

Обычно огрызался Котин. Усмешки коллег царапали, били по самолюбию... Эту рамку он держал под руками для двух случаев.

Первый — когда совсем скисал. Когда вера в себя, в свой путь, в правое дело исчезали, как утренний туман над Доном, куда он по кособогу сбегал на рыбалку с деревенскими пацанами. Второй — когда «сердобольные»

коллеги с кривыми улыбками брались утешать или того хуже — критиковать, советовать поменять отживший архаичный стиль его клоунад. Тогда он, уставший от объяснений и полемик, просто совал им в руки эту статью, где всё было давно объяснено вместо него...

До выхода со следующей репризой было ещё минут десять. Котин поправил грим. Взял в руки рамку, вчитался. Невольно улыбнулся.

57

«...Клоун вышел на манеж с небольшим чемоданом. Огляделся. Встал на колени. Положил чемодан на ковёр. С нежностью погладил крышку. С великой осторожностью приоткрыл её, заглянул внутрь. Улыбнулся. Оттуда ударил луч света. Зал затаил дыхание. Отзвучавшие аплодисменты предыдущему номеру птицами улетели в купол, где теперь затихли, спрятались среди разноцветных прожекторов, стальных тросов цирковых аппаратов, затаились в ожидании, как письма «до востребования» на почте.

Клоун медленно, с трепетом извлёк из чемодана белоснежную булаву в красном маленьком жабо. Затем

вторую с таким же, но синим воротничком. Булавы с жаром прижались друг к другу. Любовь окрыляет. Они

летали из руки в руку Клоуна, кружились вокруг него в радостном танце Любви. Вдруг из чемодана ракетой вылетела ярко-красная булава в чёрном жабо. Она тут же попала в руки Клоуна. Булавы замелькали в стремительной яростной круговерти. Красный «разлучник» явно претендовал на внимание булавы с жабо такого же цвета, всячески отбивая противника в синем воротничке. В один момент Красный подло ударил Синего снизу. Тот подлетел чуть ли не к куполу цирка и рухнул на ковёр...

Красный победитель увлѣк обретенную подругу в чре-во чемодана. Световой луч медленно погас...

Клоун склонился над поверженной булавой. Синий

лежал без чувств. Клоун с сочувствием погладил его без-дыханное остывающее тело.

Вдруг из недр чемодана снова ударил луч. Ярче преж-него. Оттуда медленно появилось сияющее розовым кольцо.

Оно попросилось в руки к Клоуну. Кольцо летало над

Клоуном, перекатывалось по его плечам, нежно каса-лось кистей его рук. Булава с синим воротничком неожиданно ожила. Клоун соединил Кольцо с Булавой. Они

58

прижались друг у другу. Кольцо обвило булаву и закру-тилась на её талии как хулахуп. Они обрели друг друга!

Теперь они соединены навеки! Настоящая Любовь вновь

восторжествовала в этом жестоком мире...

Какая досада, и моё личное разочарование, что лишь

немногие поаплодировали, поняв суть и аллегорию репризы. А другие, — их сегодня, к сожалению, большин-ство, — безучастно смотрели на манеж или проговорили

с соседями. Зачем им вместо ожидаемого смеха какие-то

там вздохи, театральные переживания. Для них увиден-ное — слишком тонкие материи,

которые предлагает

неоспоримо талантливый клоун Сергей Котин.

К счастью, его реприза «Зонтики», которой он заканчивает своё выступление, не остав-ляет никого равно-душным. В ней цирковой художник говорит о высоких

смыслах, о морали, великодушии Человека. И снова —

о Любви!..

Прежде чем я опишу эту, с моей точки зрения, выда-ющуюся клоунскую репризу, поз-волю себе порассуждать

о таком явлении в искусстве, как клоунада.

Клоуны, в основе своей — пересмешники, сатирики, обличающие пороки мира. Недаром скоморохи повсе-местно были гонимы. Существовал даже царский указ

о запрещении скоморошества на Руси.

Мы подчас не замечаем, что смеёмся над собой. В любой репризе клоунов, где надмен-ный Белый унижает Ры-жего, прикидывающегося простаком, так или иначе, существует под-текст, намѣк, обращѣнный в шутиливой форме

к зрителям. Клоуны пропускают через себя, через свои

образы, главные чаяния человечества, завуалированные

шуткой — оставаться теми самими Человеками. Людьми!

С моей точки зрения, репертуар клоуна Сергея Котина являет собой проявление наивыс-шей цирковой фи-лософии. А его трогательный образ в какой-то степени

можно сравнить с высшим проявлением христианской

59

духовности — с известными блаженными, прославивши-мися подвигом юродства.

Такие клоуны (их крайне мало!) сознательно отме-тая праздный успех у публики, очень деликатно, тонко, чаще намѣком, обличают наш мир в ханжестве, равноду-шии и лжи. Таких артистов, с их философией, системой

взглядов, вряд ли может ожидать шумный успех. Они

стоят особняком. Публика, приходящая в цирк, желает

беззаботно смеяться, отдыхать, а не вникать в сложную

философскую суть окружающего мира. А жаль! Цирк —

место магического круга, где сходятся все точки земного бытия. Цирк — это круглая многогрань...»

— Хм! Круглая многогрань. Как хорошо сказала! Ёмко и точно. — Котин в очередной раз улыбнулся. За газетными строками явно скрывался умный тонкий человек. Сергею тогда, помнится, в период острого одиночества, вдруг нестерпимо захотелось познакомиться с этой журналисткой.

Сначала он долго не решался, потом, под конец гастролей, бросился на поиски. И... опоздал. В редакции ему сказали, что «М. К.» по заданию информационного отдела уехала в другой город. В процессе беседы перед ним вдруг стали извиняться за «блаженного и юродивого». С готовностью сообщили, что автор статьи, Мария Кольцова, понесла су-ровое наказание за «поповство и пропаганду религиозного

культа». Проглядели! «М. К.» объявлен выговор...

— Вот дураки!.. Однако как быстро меняется время. Ещё совсем недавно крестины ребёнка и походы в храмы на Пасху карались. Сейчас — пожалуйста...

Котин прислушался к происходящему на манеже. Номер турнистов привычно «рвал зал»! Вот-вот и финал. Но

пару минут ещё есть. Он вновь углубился в чтение.

«...Клоун заканчивает своё выступление репризой

„Зонтики“. Сразу скажу: это удивительная клоунада, вы-зывающая тихий восторг и такие же слёзы! Сколько здесь

сокрытой доброты, любви, незащищённости...

60

Артист выходит на манеж и с улыбкой раздаривает детям разноцветные надувные шарики. У него остаётся в руках всего лишь один. Последний. Вдруг раздаются оглушительные раскаты грома, свист ветра, всполо-хи молний. Начинается буря. С купола льёт настоящий дождь. Клоун пытается спасти шарик. Тот мечется в его руках. Стихия готова вырвать шарик из рук, но промок-ший клоун в отчаянии прячет его на груди под широкую

рубашку. Делает шаг, поскальзывается в луже и падает на живот. Шарик лопаётся. Дождь заканчивается. Клоун

медленно поднимается на колени. Достает из-под рубашки останки погибшего шарика.

В отчаянии опускает

глаза и руки. Вдруг из зала на манеж выбегает девочка и протягивает клоуну шарик, который он перед этим ей

подарил. Из-под купола летят разноцветные детские зонтики. Опускается большой зонт цвета радуги. Снова льёт

дождь. Но лёгкий, солнечный. Клоун, держась за ручку

зонта, с шариком в руке улетает в небо. Дождь заканчивается. Из-под купола прощаль-ным приветом медленно

опускается радужный зонт с привязанным к нему наду-вным шариком...

Рядом со мной сидели детки, которые в один голос

с волнением вопрошали:

— Мама! А Клоун вернётся?

И мамы, промокающие носовыми платками ресницы, отвечали:

— Вернётся! Обязательно вернётся!..

Вот и я, выходя после представления из цирка, глядя
в небо, прошептала:

— Клоун! Возвращайся!..»

Глава тринадцатая

Переезд из города в город в этот раз предполагал быть
долгим.

61

Согласно телеграмме, что пришла клоуну Котину из

«Союзгосцирка», переименованного теперь в «Росгосцирк», следующие гастроли начинались только через

двадцать три дня — небывалое роскошество. Почти внеочередной отпуск. Как правило на переезд между городами

артистам даётся недели полторы-две, и надо начинать
обживать другой манеж.

Если жизнь обычного человека измеряется годами, то цирковых — городами. Пять-шесть гастрольных городов — год прошёл. В столичных цирках и того меньше.

Там программы работают по полгода и дольше. Такова
она жизнь цирковая...

Система давно отлажена. Маршруты артистам известны на несколько городов вперёд. Но в этот раз в Москве, в Главке, в расписании коллективов и, так называемого, конвейера что-то сбилось. Видимо, кто-то из «великих»

не захотел куда-то ехать, закапризничал, и отдел формирования программ вместо эквилибристов сам встал на голову, перетасовывая маршруты. А это семь с лишним десятков стационарных цирков по стране, плюс пятнадцать

передвижных. Транспортный отдел тоже стоит на ушах, ночуя в Москве, на Пушечной.

Директора цирков на местах в такие моменты глотают

горстями таблетки от головы, сердца и бессонницы. Напечатанные афиши, за которые отданы немалые деньги, враз становятся макулатурой. Купленные заранее билеты

предлагают сдать назад в кассы. Грядёт грандиозный скандал! И риск! Рассерженные зрители могут в следующий раз

не прийти. А это план по сборам, который трещит по швам
и пикирующим бомбардировщиком летит в тартарары.

А за него тот же Главк, будет с директоров потом сдирать
шкуры. Вот такой весёлый цирк получается!..

У Котина образовалась пауза, которую называют

ВП — вынужденным простоем. Если недолго, то можно «простоять» без работы и при цирке. Но если пауза

62

затягивается на неопределённый срок, у Главка есть ещё

один вариант — «вынужденный простой по месту жительства». Всех отсылают по домам до лучшей судьбы.

Котин с радостью поехал в Воронеж в надежде хотя бы

в родных стенах перевести дух. Давно не было ни внутреннего покоя, ни душевного равновесия. Сергей никак

не мог вырваться из замкнутого круга сомнений и суеты.

В последнее время его как клоуна совсем достали.

«Эпоха физиков и лириков давно прошла! Котин, разуй
глаза! Меняй репертуар!..»

Душа металась. Отчаивалась. И надеялась. На понимание. И ещё на что-то...

(отступ)

Сергей, нацепив красный клоунский носик, смотрел
в окно, упёршись подбородком в потрескавшийся подоконник. Как в детстве разглядывал
свою улицу сквозь
качающиеся ветви полинявшего от времени тополя. Там
проезжали редкие машины, и стучали каблуками ещё более редкие прохожие. Небольшая
улочка в центре города, к радости её жителей, так и не стала проходным двором.
Мать бесшумно подошла сзади. Долго смотрела
на спину сына, на его длинные, такие родные, светлые
волосы. Повздохала, смахнув выступившие слёзы. Потом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.